

Antologie staroruských textů 11.-17. století

Pramen (pokud neuvedeno jinak):

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>

(bez poznámek)

Повесть временных лет

Поляномъ же живущим о собѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху поляне, и живяху кождо съ родом своимъ на своихъ мѣstechъ, володѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь. И сѣдьяше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдьяше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюду же прозвася Хоривица. Створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и наркоша ѿ Киева. И бяше около города лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяхуть бо мудрѣ и смыслени, и *нарицахуся* поляне, от нихъ же суть поляне — кияне и до сего дни.

Инии же, не вѣдуще, ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Киева бо перевозъ бяше тогда съ оная страны Днепра, тѣмъ глаголаху: «На перевозъ на Киевъ». Аще бо былъ перевозникъ Кый, то не бы ходилъ къ Цесарюграду. Но сий Кий княжаше в роду своем, и приходившю ему къ цесарю — не свѣмы, но токмо о сѣмъ вѣмы, якоже сказуютъ: яко велику честь приялъ есть от цесаря, которого не вѣмъ и при котором приходи цесари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, и възлюбѣ мѣсто, и сруби городокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему близъ живущии; еже и донынѣ нарѣчють дунайци городище Киевѣць. Киеви же пришедшю въ свой городъ Киевъ, ту и сконча животъ свой, и брата его — Щекъ и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь ту скончашася.

И по сей братья почаша дѣржати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дръговичи свое, а словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже и полочанѣ. От сихъ же и кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины и на вѣрхъ Днѣпра, ихъже и городъ есть Смолѣнскъ; туда бо сѣдятъ кривичи. Таже сѣверо от них. На Бѣлѣ озерѣ сѣдятъ вѣсь, а на Ростовѣ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ сѣдятъ мѣря же. А по Оцѣ рѣцѣ, кде втечетъ въ Волгу, языкъ свой — мурома, и черемиси свой языкъ, и мордва свой языкъ. Се бо токмо словѣнскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новѣгородьци, полочане, дръговичи, сѣверо, бужане, зане сѣдятъ по Бугу, послѣже же волыняне.

И се суть инии языцѣ, иже дань дают Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пѣрмь, печера, ямь, литва, зимѣгола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колѣна Афетова, иже живутъ на странахъ полунощныхъ.

Словенску же языку, якоже ркохом, живушю на Дунаи, придоша от скуфѣ, рекше от козарѣ, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, насѣлницѣ словеномъ бѣша. А посемъ придоша угре бѣлии и наслѣдиша землю словѣнскую, прогнавшѣ *волохы*, иже бѣша приялѣ землю словенску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цесари, иже ходиша на Хоздроя, цесаря пѣрського. В си же времена быша и обре, иже воеваша на цесаря Ираклия и мало его не яша. Си же обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы, сушая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскимъ: аще поѣхати бяше обрину, не дадеше въпрячи коня, ни волу, но веляше въпрячи 3, или 4, ли 5 женъ в телѣгу и повести обрина, и тако мучаху дулѣбы. Бяху бо обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроша вси, и не оста ни единъ обринъ. И есть притча в Руси и до сего дни: погибоша аки обри, ихъ же нѣсть ни племени, ни наслѣдка. По сихъ бо придоша печенизѣ, и паки идоша угри чернии мимо Киевъ послѣже при Ользѣ.

Поляномъ живущимъ о себѣ, якоже ркохомъ, сущии от рода словѣнська и наркошася поляне, а деревляне от словенъ же и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо два брата в лясѣхъ: Радимъ, а другый Вятко, и, пришедша, сѣдоста: Радимъ на *Съжю*, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде своимъ родомъ по Оцѣ, от него прозвашася вятичи. И живяху в мирѣ поляне, и древляне, и северо, и радимичи, и вятичи и хорвати. Дулѣби же живяху по Бугу, где *нынѣ* волыняне, а уличи, тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и *присѣдяху* къ Дунаеви. И бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне, да то ся зовяху от Грѣкъ Великая скуфѣ.

Имѣяхуть бо обычая своя и законы отецъ своихъ и предания, каждо своя норовъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имяху тихъ и *кротокъ*, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ своим, и снохы къ свекровамъ своимъ и къ дѣверемъ велико стыдѣнье имуще. И брачный обычай имѣяху: не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а завтра приношаху что на ней владуче. А деревляни живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьскы: и убиваху другъ друга, ядуще все нечисто, и браченья в нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А радимичи, и вятичи и северо одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякый звѣрь, ядуще все нечисто, и

срамословье в нихъ предъ отъци и предъ снохами, и бѣраци не бѣваху в нихъ, но игрища межю селы, и схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто свѣщевашеся. Имяхут же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложить на кладу мертвѣца и съжигаху, и посемъ, събравше кости, вложаху въ <...> ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ, иже творять вятичи и нынѣ. Си же обычаи творяху и кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона Божиа, но творяху сами себѣ законъ.

Сказание о Борисе и Глебе

СЪКАЗАНИЕ И СТРАСТЬ И ПОХВАЛА СВЯТЮЮ МУЧЕНИКУ БОРИСА И ГЛѢБА

Господи, благослови, отче!

«Родъ правыхъ благословиться, — рече пророкъ, — и сѣмя ихъ въ благословении будеть».

Сице убо бысть малѣмъ преже сихъ. Сущю самодрѣжцю въсей Русьской земли Володимиру, сыну Святославу, вьнуку же Игореву, иже и святымъ крещениемъ всю просвѣти сию землю Русьску. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время. А о сихъ по ряду сице есть: съ убо Володимиръ имѣяше сыновъ 12 не отъ единой жены, нѣ отъ раснѣ матеръ ихъ. Въ нихъ же бяше старѣй Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, 3 — Святоплѣкъ, иже и убийство се злое изобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чърницею, грѣкыни суци, и пояль ю бѣ Яроплѣкъ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея. И зача отъ нея сего Святоплѣка оканьнааго, Володимиръ же поганѣй еще, убивъ Яроплѣка и поять жену его непраздну сущю. Отъ нея же родися сий оканьный Святоплѣкъ, и бысть отъ дѣвою *отыцю* и брату сущю. Тѣмъже и не любляше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сущю. А отъ Рогнѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ българынѣ Бориса и Глѣба. И посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инде съкажемъ, сихъ же съповѣмы убо, о нихъже и повѣсть си есть.

Посади убо сего оканьнааго Святоплѣка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава — Новѣгородѣ, а Бориса — Ростовѣ, а Глѣба — Муромѣ. Нѣ се остаану много глаголати, да не многописании въ забыть влѣземъ, нѣ о немъже начахъ, си съкажемъ убо сице. Многомъ же уже дньмъ минувшемъ, и яко съконьчашася дьние Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении, въпаде въ недугъ крѣпкъ. Въ то же время бяше пришелъ Борисъ изд-Ростова, печенегомъ же о онуду паки идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бяше Володимиръ, зане не можааше изити противу имъ, и много печалюшася. И призывавъ Бориса, емуже бѣ имя наречено въ святѣмъ крещении Романъ, блаженааго и скоропослушьливааго, предавъ воѣ многы въ руцѣ его, посъла ѣ противу безбожьнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию вѣставъ иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико велить воля сѣрдьца твоего». О таковыхъ бо рече Притѣчникъ: «Сынъ быхъ отыцю послушьливъ и любимъ предъ лицемъ матере своея».

Ошедьшю же ему и не обрѣтѣшю супостатъ своихъ, възвративъшюся въспять ему. И се приде вѣстникъ къ нему, повѣдая ему отъчю смърть, како преставися отъць его Василий, въ се бо имя бяше нареченъ въ святѣмъ крыщении, и како Святопѣлкъ потаи смърть отъца своего, и ночь проймавъ помость на Берестовѣмъ и въ ковѣрь обрѣтѣвъше, съвѣсивъше ужи на землю, везъше на саньхъ, поставиша ѿ въ църкви святыя Богородица. И яко услыша святой Борисъ, начать тѣлѣмъ утѣрпывати и лице его все слъзь исполнися, и слъзами разливаясь и не могый глаголати. Въ сѣрдци си начать сицевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние и заре лица моего, бѣздруности моеѣ, наказание недоразумѣния моего! Увы мнѣ, отъче и господине мой! Къ кому прибѣгну, къ кому възрю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и казанія разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како зайде свѣте мой, не сущу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чѣстное твое тѣло своима рукама съпряталъ и гробу предалъ. Нѣ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни съподобленъ быхъ цѣловати добролѣпныхъ твоихъ сѣдинъ. Нѣ, о блажениче, помяни мя въ покои твоемъ! Сѣрдце ми горить, душа ми съмысль съмущаеть и не вѣмъ къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простерети? Къ брату ли, егоже быхъ имѣлъ въ отъца мѣсто? Нѣ тѣ, мню, о суетии мирьскыхъ поучаеться и о биении моемъ *помышляетъ*. Да аще кровь мою пролѣть и на убийство мое потыщиться, мученикъ буду Господу моему. Азъ бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гърдыимъ противиться, съмѣреннымъ же даеть благодать». Апостоль же: «Иже рече — “Бога люблю”, а брата своего ненавидитъ — лъжь есть». И пакы: «Боязни въ любви нѣсть, съвършенная любви вѣнь измещеть страхъ». Тѣмъже что реку или чѣто сътворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отъць — ты ми братъ и старѣи. Чѣто ми велиши, господи мой?»»

Хождение игумена Даниила в Святую землю

Се азъ недостойный игумень Данил Руския земля, хужши во всѣх мнѣх, смѣренный грѣхи многими, недоволенъ сый во всяком дѣлѣ блазѣ, понужен мыслию своею и нетрѣпѣнием моимъ, похотѣхъ видѣти святыи градъ Иерусалимъ и Землю обѣтованную. И благодатию Божиею доходяхъ святого града Иерусалима и видѣхъ святаа мѣста, обиходихъ всю землю Галилѣйскую и около святого града Иерусалима по святымъ мѣстомъ, куда же Христосъ Богъ нашъ походи своими ногами и велика чудеса показа по мѣстомъ тѣмъ святымъ. И то все видѣхъ очима своими грѣшными. Безлюбивый показа ми Богъ видѣти, его же жадахъ много дний мыслию моею.

Братия и отци, господие мои, простите мя грѣшнаго и не зазрите худоумью моему и грубости, еже писахъ о святѣмъ градѣ Иерусалимѣ, и о земли той блазѣй, и о пути еже к святымъ мѣстомъ. Иже бо кто путемъ симъ ходилъ съ страхомъ Божиимъ и смѣренъемъ, не погрѣшитъ милости Божия николи же. Азъ же неподобно ходихъ путемъ симъ святымъ, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ и вся неподобная дѣла творя. Но обаче надѣяся на милость Божию и на вашу молитву, да ми проститъ Христосъ Богъ моихъ грѣховъ бесчисленныхъ, да си исписахъ путь си и мѣста сии святаа, не возносяся ни величаяся путемъ симъ, яко что добро створивъ на пути семъ, не буди то: ничтоже бо добра створихъ на пути семъ; но любве ради святыхъ мѣсть сихъ исписахъ все, еже видѣхъ очима своими, дабы не в забытъ было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному. Убоаяся онога раба лѣниваго, скрывшаго талантъ господина своего и не створившаго прикупа имъ, да сие написахъ вѣрныхъ ради человекъ. Да кто убо, слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, поскорбѣ бы ся душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ, и равну мзду примутъ отъ Бога съ тѣми, иже будутъ доходили святыхъ сихъ мѣсть. Мнози бо, дома суще в мѣстѣхъ своихъ, добрии человекъци мыслию своею и милостынею убогихъ, добрыми своими дѣлы, достигаютъ мѣсть сихъ святыхъ, иже болшую мзду примутъ отъ Бога Спаса нашего Иисуса Христа. Мнози бо, доходяще святыхъ сихъ мѣсть и святыи градъ Иерусалимъ и възнесеша умомъ своимъ, яко нѣчто добро створивше, и погубляютъ мзду труда своего, отъ нихъ же пръвый есмь азъ. Мнози бо, ходивше святого града Иерусалима, поидуть опять, многа добра не видѣвши, тщаще опять вскорѣ. А сего пути нелзѣ въскорѣ створити ни истокомъ тог... щ... и вся святаа та мѣста и въ градѣ и внѣ града.

О ЕРУСАЛИМѢ, О ЛАВРѢ

Азь недостоин игумень Данил, пришедъ въ Иерусалимъ, пребыхъ мѣсяць 16 в мѣстѣ в лаврѣ свягата Савы, и тако могохъ походити и испытати вся святая си мѣста.

Невозможно бо безъ вожа добра и безъ языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣсть, и что имѣя в руку моею худаго мего добыточка, то от того все подавахъ вѣдущимъ добрѣ вся святая мѣста в градѣ и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ; яко же и бысть. И пригоди ми Богъ налѣсти в лаврѣ мужа свята и стара деньми, и книжна вельми; тому святому мужеву вложи Богъ въ сердце любити мя худаго, и тыи указа ми добрѣ вся святая та мѣста: и въ Иерусалимѣ и по всей земли той поводи мя, и до Тивириадскаго моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всѣмъ тѣмъ мѣстомъ поводи мя, и потрудися со мною любве ради. И ина святая мѣста видѣхъ многа, яже послѣди скажу.

О ПУТИ В ИЕРУСАЛИМ

А се есть путь къ Иерусалиму. От Царяграда по лукоморию ити 300 версть до Великаго моря. До Петалы острова 100 версть; то есть 1 островъ на узыцѣмъ мори, и ту есть лимен добрѣ, и ту есть градъ Ираклия Великаа. И противу тому граду святое миро выходитъ изъ глубины морьскыа: ту святии мученици погружени суть мнози от мучителейъ. От Петалы острова до Калиполя 100 версть, а от Калиполя до Авида града 80 версть. Противу тому граду лежить святой Еуфимие Новый. А оттудѣ до Крита 20 версть, и ту есть на Великое море внити: на шюе въ Иерусалимъ, а на десно къ Святѣй Горѣ, и къ Селуню, и къ Риму. А от Крита до Тенеда острова версть 30. То есть 1 островъ на Велицѣмъ мори, и ту лежитъ святой Навгудимос мученикъ. И противу тому острову на брезѣ градъ великъ былъ именемъ Троада, и ту есть Павелъ апостоль приходилъ и научилъ ту страну всю и крестилъ. А от Тенеда острова до Метании острова версть 100; и ту лежитъ святой митрополитъ Мелетинскы. А от Мелетинии до Ахия острова версть 100; и ту лежитъ святой мученикъ Исидоръ. И в томъ островѣ ражается мастика, и вино доброе, и оwoць всякий.

Слово о законе и благодати митрополита Илариона

О ЗАКОНѢ, МОИСѢОМЪ ДАНѢМЪ, И О БЛАГОДѢТИ И ИСТИНѢ, ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ БЫВШИИ И КАКО ЗАКОНЪ ОТИДЕ, БЛАГОДѢТЬ ЖЕ И ИСТИНА ВСЮ ЗЕМЛЮ ИСПОЛНИ, И ВѢРА ВЪ ВСЯ ЯЗЫКЫ ПРОСТРЕСЯ И ДО НАШЕГО ЯЗЫКА РУСКАГО, И ПОХВАЛА КАГАНУ НАШЕМУ ВЛОДИМЕРУ, ОТ НЕГОЖЕ КРЕЩЕНИ БЫХОМЪ, И МОЛИТВА КЪ БОГУ ОТ ВСЕА ЗЕМЛЯ НАШЕА

Господи, благослови, отче.

«Благословенъ Господь Богъ Израилевъ», Богъ христианескъ, «яко посѣти и сътвори избавление людемъ своимъ», яко не презрѣ до конца твари своеа идольскимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовьскимъ служеваниемъ гыбнути. Нѣ оправдѣ прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, послѣжде же сыномъ своимъ вся языки спасе Евангелиемъ и крещениемъ, вводя а въ обновление пакыбытия, въ жизнь вѣчную.

Да хвалимъ его убо и прославляемъ хвалимааго от ангель беспрѣстани, и поклонимся ему, емуже поклоняются херувими и серафими, яко, призря, *призрѣ* на люди своа и не соль, ни вѣстникъ, нѣ Самъ спасе ны, не привидѣниемъ пришедъ на землю, но истинно, *пострадавъ* за ны плотию и до гроба и съ собою въскрѣсив ны.

Къ живущимъ бо на земли челоукомъ въ плоть одѣвсья приде, къ сущимъ же въ адѣ распятиемъ и въ гробѣ полежаниемъ съниде, да обои, и живии и мертвии познають посѣщение свое и Божие прихождение и рзумѣють, яко тѣсть живымъ и мертвымъ крѣпокъ и силенъ Богъ.

Кто бо великъ, яко Богъ нашъ. Тѣ единъ творяи чудеса, положи законъ на проуготование истинѣ и благодѣти, да въ немъ обыкнетъ челоучьско естъство, от многобожества идольскааго укланяся, въ единого Бога вѣровати, да яко съсудъ скверненъ челоучьство, помовенъ водою, закономъ и обрѣзаниемъ, приметъ млѣко *благодѣти* и крещения.

Законъ бо прѣдътечя бѣ и слуга благодѣти и истинѣ, истина же и благодѣть слуга будущему вѣку, жизни нетлѣннѣи. Яко законъ привождаше възаконенныа къ благодѣтному крещению, крещение же сыны своа прѣпускаетъ на вѣчную жизнь. Моисѣ бо и пророци о Христовѣ пришествии повѣдааху, Христос же и апостоли его о въскресении и о будущиимъ вѣцѣ.

Еже поминати въ писании семь и пророчьскаа проповѣдания о Христѣ, и апостольскаа учения о будущиимъ вѣцѣ, то излиха есть и на тѣщеславие съкланяся. Еже бо въ инѣх книгахъ писано и вами вѣдомо ти седе положити, то дрѣзости образъ есть и славохотию. Ни къ невѣдуциимъ бо пишемъ, нѣ прѣизлиха насыштьшемся сладости книжныа, не къ врагомъ Божиимъ иновѣрнымъ, нѣ самѣмъ сыномъ его, не къ странныимъ, нѣ къ наслѣдникомъ небеснаго царства. Но о законѣ, Моисѣемъ данѣмъ и о благодѣти и истинѣ, Христосомъ бывшии, повѣсть си есть, и что успѣ законъ, что ли благодѣть.

Прѣжде законъ, ти по томъ благодѣть, прѣжде стѣнь, ти по томъ истина. Образъ же закону и благодѣти Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра, работнаа прѣжде, ти потомъ свободнаа, да разумѣеть, иже чтеть!

Поучение Владимира Мономаха

Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, *нареченый* въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы... и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣхъ бѣдъ! Сѣдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтеся, но *емуже любя* дѣтий моихъ, а приметъ е в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своя, страх имѣйте Божий в сердца своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохрищаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвиль.

Усрѣтоша бо мя слы от братья моя на Волзѣ, рѣша: «Потѣснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; оже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, возьмъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ. Аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповай* на Бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, — ти обладають землею». И еще мало: «И не будетъ грѣшника; взицеть мѣста своего, и не обряцеть. Кротции же наслѣдятъ землю, насладятся на множествѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его.

Оружья извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правяя сердцемъ. Оружье ихъ внидеть в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушится, утверждаетъ же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнут; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наслѣдятъ землю, кленущии же его потребятся. От Господа стопы челоуѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣется, яко Господь подъемлетъ руку его. Унь бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни смени его просяща хлѣба. Весь день милует и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, взици мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».

«Помилуй мя, Боже, яко попра мя человекъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози *борющися* со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видеть мечь; руцѣ свои умыть в крови грѣшника. И рече убо человекъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли». «Измый мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающих на мя отыми мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животь в воли его; вечеръ водворится плачь, а завтра радость». «Яко лучьши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. *Тако* благословю тя в животѣ моемъ, и о имени твоємъ въздѣю руцѣ мои». «Покры мя от сонма лукаваго и от множества дѣлающих неправду». «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его», и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собрав ту уноша: душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: «Яди *и* питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имѣти; без лука бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣяться, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легких власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, от Бога мзды да чаеть и вѣчныхъ благъ насладитя». «О Владычице Богородице! Отыми от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмъ семь жити.

Научися, вѣрный человекъ, быти *благочестию* дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработанье, гнѣву погубленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ — не мсти, ненавидимъ — *люби*, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сождемъся, глаголетъ Господь. Аще будут грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я», и прочее. «Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ себе, братья, от всякоя крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопыюще рцѣмъ: “Слава тобѣ, Человѣколюбче!”»

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекъколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человекъци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хошемъ ѿ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и смертию, согрѣшенъя наша выше главы нашея терпить, и паки и до живота нашего.

Яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и пакы привлечь е к собѣ, тако же и Господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдiti его: покаянемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А Бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забываете 3-х дѣль тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, ни голодь, яко инии добрии терпятъ, но малым дѣломъ улучити милость Божью.

«Что есть человекъ, яко помниши ѱ?» «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человекскъ не можетъ исповѣдати чюдес твоихъ», и пакы речемъ: «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли». Иже кто не похвалитъ, ни прославляетъ силы твоея и твоих великих чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ помыслом, Господи! И сему чюду дивуемься, како от персти создавъ человекъ, како образи разноличнии въ человекскихъ лицах, — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по Божии мудрости. И сему ся подивуемься, како птица небесныя изъ ирья идут, и первѣе въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идут по всѣмъ землямъ Божиимъ повелѣнемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодьи человекомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на нас, *иже* та угодыя створилъ еси человекъ дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи; егда повелиши, то вспоютъ и человекы веселять тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!», всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ. «Да иже не хвалитъ тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душою во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклять».

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго нам милость свою: *а* се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: аще не всего примете, то половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: «Якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловаль еси, тако и нас, грѣшных, помилуй!» И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забываете, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночным поклоном и пѣнемъ человекъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человекъ избываетъ. Аще и на кони вѣздыче не будетъ ни с кым орудья, аще инѣх

молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣзда.

Всего же паче убогихъ не забываете, но елико могуще по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человекѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повинень смерти, а душа не *погубляйте* никакаяже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь Богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужда никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к брати или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавшѣ блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтесь отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву... отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рѣчь: смертни есмы, днесъ живи, а завтра в гробъ; се все, *что ны* еси вдаль, не наше, то твое, поручил ны еси на мало дней. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам *ни* дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не разглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо человекѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдиися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромъ — брашномъ и питьемъ: ти бо мимоходячи прославять человекѣка по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человекѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имѣйте выше всего.

Сказание, како сотворил Бог Адама

(...) Создати въ земли Мадиямстей челоѡка, вземъ земли горсть ото осьми частей: 1) отъ земли — тѣло, 2) отъ камени — кости, 3) отъ моря — кровь, 4) отъ солнца — очи, 5) отъ облака — мысли, 6) отъ свѣта — свѣтъ, 7) отъ вѣтра — дыхание, 8) отъ огня — оттепла. И поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама одинаго лежаща на земли; прииде же окаянный Сотона ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и възгрями. И прииде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и видѣ его мужа измазанна; и разгнѣвася Господь на диявола и нача глаголати: «Окаянне дияволе, проклятый, не достоинъ ли твоя погибель? Что ради челоѡку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклять ты буди», — и дияволь исчезе, аки молния, сквозь землю отъ лица Господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и теслою очисти его аки зеркало отъ всѣхъ сквернъ, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ Господь отъиде въ горний Иерусалимъ по дыхание Адамлево. И прииде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и убоя си вельми Сотона. Собака начала зло лаяти на диявола, окаянный же Сотона, вземъ древо, и истыка всего челоѡка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недугов. И прииде Исусъ изъ горнево Иерусалима, и видѣ Адама древомъ исколота, и милосердова о немъ и рече Сотонѣ: «Проклятый дияволе, что сотворилъ челоѡку сему, почто вложилъ недуги сия?» Тогда отвѣща дияволь, окаянный Сотона, Господу, глаголя: «Аще приидеть кая болѣзнь челоѡку сему, да не постигнетъ, до скончания всего тебя не помянетъ; аще ль поболить, кой недугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя имать на помощь призывати въ недузехъ сихъ». И отгна Господь диявола и исчезе дияволь, прогнанъ аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него.

Моление Даниила Заточника

Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего
И начнемъ бити в серебряныя органы *возвития* мудрости своеа.
Въстани, слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех!
Востану рано, исповѣмъ ти ся;
Да разверзу въ притчах гадания моя
И провѣщаю въ языцѣх славу мою.
Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мой — трость книжника-сорописца,
И увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость.
Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего
И разбих злѣ, аки *древняя* — младенца о камень.
Но боюся, господине, похуления твоего на мя.
Азь бо есмь аки она смоковница проклятая:
Не имѣю плода покаянию.

Имѣю бо сердце — аки лице безъ очию,
И бысть умъ мой — аки ночный вранъ на нырищи.
Забдѣх — и расыпая животъ мой, аки ханаонскый царь, буестию;
И *покры* мя нищета, аки Чермное море фараона.
Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего,
Аки Агарь рабыни от Сарры, госпожа своя.

Но видих, господине, твое добросердие к собѣ
И притекох къ обычной твоей любви.
Глаголетъ бо въ Писании:
Прозящему у тебе дай, толкущему отверзи,
Да не лишень будеши царствия небеснаго.
Писано бо есть:
Возверзи на Господа печаль свою,
И той тя препитаеть въ вѣки.

Азь бо есмь, княже господине,
Аки трава блещена, растяще на застѣнии,
На нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет;
Тако и азь всѣмъ обидимъ есмь,
Зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа,
Яко *плотомъ* твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня,
Но зри на мя, аки мати на младенецъ.
Возри на птица небесныа,
Яко тии не орють, ни сѣють, но уповають на милость Божию;
Тако и мы, господине, *желаем* милости твоеа.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое;
Кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣй смолы;
Кому Лаче озеро, а мнѣ, на нем сѣдя, плачь горкий;
И кому ти есть Новѣгород, а мнѣ и углы опадали,
Зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене,
Зане не поставих пред ними трепезы многообразных брашень.
Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило,
А при напасти аки врази обрѣтаются
И паки помагающе подразити нози мои;
Очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся.
Тѣмъже не ими другу вѣры, ни надѣйся на брата.

Слово о погибели Рускыя земли

О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полми, дивными звѣрьми, *различными* птицами, бе-щислеными городы великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!

Отселѣ до угорѣ и до ляховѣ, до чаховѣ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецѣ, от нѣмецѣ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарѣ, от болгарѣ до буртасѣ, от буртасѣ до чермисѣ, от чермисѣ до морѣдви,— то все покорено было Богомъ крестиянскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевскому, дѣду его Володимеру и *Манамаху*, которымъ то половоци дѣти своя *полошаху* в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердаху каменные городы желѣзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не вѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вяда и морѣдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюръ Мануилъ цесарегородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял.

А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя володимерьскаго...

Житие Александра Невского

О Господѣ нашемъ Иисусе Христѣ, Сыне Божии.

Азь худый и многогрѣшный, малосъмысля, покушаюся писати житие святаго князя Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышах от отецъ своихъ и самовидецъ есмь възраста его, радъ бых исповѣдалъ святое и честное и славное житие его. Но яко же Приточникъ рече: «Въ злохытру душу не внидеть прѣмудрость: на вышнихъ бо краихъ есть, посреди стезь стояше, при вратѣхъ же сильныхъ присѣдитъ». Аще и грубъ есмь умомъ, но молитвою святага Богородица и поспѣшениемъ святаго князя Александра начатокъ положю.

Съй бѣ князь Александръ родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матери Феодосии. Яко же рече Исая пророк: «Тако глаголетъ Господь: Князя азь учиняю, священни бо суть, и азь воюю я». Воистинну бо без Божия повелѣния не бѣ княжение его.

Но и взоръ его паче инѣхъ человекъ, и глас его — акы труба в народѣ, лице же его — акы лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетскый царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его — часть от силы Самсоня, и далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломону, храборство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгде исполчися къ граду Асафату приступити, и ишедше гражане, побѣдиша плѣкъ его. И остася единъ, и възврати к граду силу ихъ, къ вратомъ граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рекъ: «Остависте мя единого». Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ.

И сего ради нѣкто силенъ от Западныхъ страны, иже нарицаются слугы Божия, от тѣхъ прииде, хотя видѣти дивный возрастъ его, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотяши слышати премудрости его. Тако и сей, именемъ Андрѣяшъ, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: «Прошед страны, языкъ, не видѣхъ таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя».

Се же слышавъ король части Римьскыя от Полунощныя страны таковое мужество князя Александра и помысли в собѣ: «Поиду и плѣню землю Александрову». И събра силу велику, и наполни корабля многы полковъ своих, подвижеса в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумиємъ, и посла слы своя, загордѣвша, в Новѣгородъ къ князю Александру, глаголя: «Аще можеша противитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою».

Александръ же, слышавъ словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софиа, и пад на колѣну пред ольтаремъ, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великий, крѣпкий, Боже превѣчный, основавый *небо* и землю и положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть». Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящимъ мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ».

И, скончавъ молитву, вставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Он же, изшедъ ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силахъ Богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: “Сии въ оружии, а си на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом”». Сии рѣк, поиде на нихъ в малѣ дружинѣ, не съждавша съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу.

Жалостно же бѣ слышати, яко отецъ его, князь великий Ярославъ, не бѣ вѣдалъ таковаго вѣстания на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася. Тѣмъ же и мнози новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь поити. И поиде на ня въ день въскресения, иуля въ 15, имѣяше же вѣру велику къ святыма мученикома Борису к Глѣбу.

Задонщина

В 1380 г. ордынский правитель Мамай предпринял большой поход на Московское княжество. Дмитрий Донской, как и в 1378 г., решает выйти навстречу врагу. В союзе с Москвой выступили многие русские княжества. Сражение произошло 8 сентября 1380 г. в пределах Рязанской земли, на Куликовом поле, в месте впадения в Дон реки Непрядвы. Понесся огромные потери, русские одержали победу. Это была первая большая победа над монголо-татарами, явившаяся переломным моментом во взаимоотношениях Руси с Ордой. Куликовская битва нашла отражение в нескольких произведениях: «Задонщине», краткой и пространной летописных повестях о Куликовской битве и в «Сказании о Мзмаевом побоище». Есть все основания полагать, что «Задонщина» была написана в 80-е гг. XIV в., вскоре после Куликовской битвы и, во всяком случае, еще при жизни Дмитрия Донского (т. е. до 1389 г.), которому, как говорит сам автор памятника, он воздает похвалу своим произведением. «Задонщина» — это лирико-эпическое описание сражения на Дону. Автор ведет не последовательный сюжетный рассказ, а выражает свои чувства и эмоции, связанные с событиями Куликовской битвы. За основу своего произведения автор «Задонщины» взял «Слово о полку Игореве» — рассказывая о победе над Мамаем, он пользуется и образами, и отдельными фразами, и целыми отрывками «Слова».

«Задонщина» дошла до нас в шести списках: Ундольского (список XVII в. — РГБ, собр. Ундольского, № 632); Ждановском (список XVII в., отрывок — БАН, № 1. 4. 1); Историческом первом (список конца XVI в., без начала — ГИМ, собрание Музейское, № 2060); Историческом втором (список начала XVI в., отрывок — ГИМ, собрание Музейское, № 3045); Кирилло-Белозерском (список 1470-х гг. — РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086); Синодальном (список XVII в. — ГИМ, Синодальное собрание, № 790). Самый ранний, Кирилло-Белозерский, список представляет собой сокращенную переработку только первой половины произведения, сделанную известным книгописцем XV в., монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином. Остальные списки «Задонщины» дают сильно искаженный переписчиками текст произведения. Тексты отдельных списков «Задонщины» издавались неоднократно, научное издание их см.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 535—556. Однако каждый в отдельности список «Задонщины» имеет такое количество искажений и дефектов, что издание произведения по какому-либо одному из списков не даст достаточно полного и ясного представления о тексте произведения. Поэтому уже с давних времен принято давать реконструкцию текста «Задонщины» на основе сравнительного анализа всех списков памятника. В этой книге также публикуется реконструкция, в основу которой положен список Ундольского. Изменения, исправления и добавления в этот текст вносились только на основании чтений других списков по таким принципам: 1) по другим спискам восстанавливаются и изменяются все чтения, которые ближе «Слову о полку Игореве», как более близкие к оригиналу; 2) меняются поздние чтения списка Ундольского на основании сличений их с другими списками в том случае, если более ранние чтения в других списках совпадают по разным изводам (все списки делятся на два извода); 3) восстанавливаются некоторые чтения, сохранившиеся в одном из списков, которые могли быть опущены или изменены в остальных списках независимо друг от друга. Критерием в данном случае служили общие тенденции «Задонщины» и

литературные особенности этого произведения. Из «Задонины» делались вставки в «Сказание о Мамаевом побоище» — как в первоначальный текст этого произведения, так и в последующие его редакции. Вставки эти делались из списков «Задонины», более близких к оригиналу, чем дошедшие до нас. При внесении изменений в текст, взятый за основной, учитываются, когда для этого имеется материал, чтения вставок из «Задонины» в текстах «Сказания о Мамаевом побоище». Все изменения, исправления, добавления, сделанные в списке Ундольского, набраны курсивом. Настоящая реконструкция, за единичными исключениями (восстановлены отдельные чтения списка Ундольского), повторяет реконструкцию «Задонины», опубликованную в книге: «Слово о полку Игореве». Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Л., 1967, с. 363—378. В названном издании в подстрочном аппарате к тексту приводятся обоснования изменений, внесенных в список Ундольского по данным всех остальных списков «Задонины», где имеется соответствующее место.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣсем Рускую землю и возвѣрзем печаль на Восточную страну — в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о похвальных сихъ о нынешних повѣстех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вѣщаго Бояна горазна гудца в Киеве. Тот бо вѣщий Боянь, воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояше руским князем славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, 2 — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третюю — великому князю Ярославу Володимировичю.

Аз же помяну резанца Софония, и восхвалю пѣснеми и гусленными буйными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевскаго. И пѣние князем руским за вѣру христианскую!

А от Калатские рати до Мамаева побоища 160 лѣт.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичь и братъ его, князь Владимиръ Андрѣевичь, помолися Богу и пречистой его Матери, истезавше ум свой крѣпостию, и поостриша

сердца свои мужеством, и *наполнишася* ратного духа, оставиша собѣ храбрія *полькы* в Руской землѣ и помянуша прагдѣда своего, великого князя Владимира Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под *синие облакы*, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю! Ци буря соколи *зонесет* из земля Залѣския в полѣ *Половецкое*! На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, *трубы* трубят на Коломнѣ, *бубны* бьют в Серпугове, стоят стязи у *Дону* Великого на брезѣ.

Звонять *колоколы* вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ, стоят мужи навгородцкие у *святых Софий*, а *ркучи* тако: «Уже нам, брате, не поспѣть на *пособь* к великому князю Дмитрею Ивановичю?» И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася — выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его, князю Владимиру Андрѣевичю, на *пособе*.

К славному граду Москвѣ съехались вси князи руские, а *ркучи* таково слово: «У *Дону* стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

И *рече* князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате, князь Владимиръ Андреевичь, *пойдем* тамо, укупим животу своему славы, *учиним* землям *диво*, а старым повесть, а молодым *память*! А храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую!»

И *рече* им князь великий Дмитрей Ивановичь: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великого князя Владимира Киевскаго! Не в обиде есми были по роженію *ни соколу*, *ни ястребу*, *ни крѣчату*, *ни черному ворону*, *ни поганому сему Момаю*!»

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, *выщекотал* славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю, и земли Литовской

дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыньскому! Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы *полководцы*, под трубами *повити*, под шеломы *възлелѣаны*, *конецъ копия вскормлены*, *с востраго меча поены* в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки *есмя Едимантовы*, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на *свои борзи комони* и посмотрим быстрого Дону, *ищемъ шеломом воды*, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские!»

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича! Уже бо, брате, стук стучит и гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. *То ти*, брате, не *стукъ стучить*, ни *гром гремит*, — стучит *силная рать* великаго князя Дмитрея *Ивановича*, *гремят* удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными *щиты*. Сѣдлай, брате Андрѣй, свои *борзи комони*, а *мои готови* — *напреди твоих осѣдлани*. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами *70 000* окованные рати».

Уже бо, брате, *возвеша сильнии вѣтри с моря* на усть Дону и Непра, *прилелѣаша великиа* тучи на Рускую землю, из *них выступают* кровавые зори, а в них *трепещут синие молнии*. Быти стуку и грому великому на речке *Непрядвѣ*, между Доном и Непром, пасти трупы человеческому на поле Куликовѣ, пролитися крови на речке *Непрядвѣ*!

Уже бо *въскриѣли телегы* между Доном и Непром, *идут хинове* на Рускую землю! И притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воют на рекѣ, на Мечи, хотят *наступати* на Рускую землю. *То ти* были не сѣрые волцы, — приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси *возгогаташа* и лѣбѣди *крылы всплескаша*. *То ти* не гуси *возгогаташа*, ни лѣбѣди *крылы всплескаша*, но поганый Момай пришел на Рускую землю и *вои* своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под *облакы летают*, вороны часто

грают, а галицы своею рѣчью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости брешут.

Русская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиць ис камена града Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи злачеными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединья, а богатыри руския удальцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрей Иванович воступив во златое свое стрѣмя, всѣдъ на свой борзый конь и взем свой мечь в правую руку, и помолися Богу и пречистой его Матери. Солнце ему ясно на вѣстоцы сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимиръ Андрѣевичъ полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше брату своему, великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабляй, брате, поганым татаровям — уже бо поганые поля руския наступают и вотчину нашу отнимают!»

Повесть о нашествии Тохтамыша

В 1382 г. хан Тохтамыш, воцарившийся в 1380 г. в Золотой Орде после победы над темником Мамаем, пошел на Москву. Ему удалось захватить город и подвергнуть его страшному разгрому; опустошены были и другие города Русской земли. Эти события и легли в основу летописной повести «О пленении и о приходе Тохтамыша царя и о Московскомъ взятии», именуемой в научной литературе «Повестью о нашествии Тохтамыша».

Как показало текстологическое изучение «Повести...», в основе ее лежит краткий рассказ 1382 г., читавшийся в летописном своде 1408 г. Старшие списки «Повести...» содержатся в Софийской первой, Новгородской четвертой, Новгородской пятой, Новгородской Карамзинской летописях.

«Повесть о нашествии Тохтамыша», как можно полагать, была создана одновременно с Летописной повестью о Куликовской битве и в одном кругу книжников: на это, в частности, указывает тот факт, что «Повесть...» использовала тот же самый летописный свод и тот же источник — «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов».

Текст повести публикуется по Новгородской Карамзинской летописи XVI в. (РНБ, F. IV, 603). Исправления вносятся по Голицынскому списку первой редакции Новгородской четвертой летописи (РНБ, Q. XVII, 62).

Бысть нѣкое проявление по многы ноци: являшеся таково знамение на небеси на вѣстоцѣ пред раннею зарею — звѣзда нѣкаа, аки хвостата и аки копейнымъ образомъ, овогда в вечерней зари, овогда же въ утреней; то же многожды бываше. Се же знамение проявляше злое пришествие Тахтамышево на Рускую землю и горкое поганых татаръ нахождение на христианы, яко же и бысть гнѣвомъ божиимъ за умножение грѣхов наших. Бысть въ третие лѣто царства Тахтамышева, царствующу ему въ Ордѣ и в Сараи. И того лѣта царь Тахтамыш посла слуги своя в град, нарицаемый Българы, еже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци руския и гости христианскыя грабити, а суды их и с товаромъ отимати и провадити к собѣ на перевоз. А самъ потщася съ яростию, събрав воя многы, и подвижеся к Волзѣ, съ всею силою своею перевезеса на сию страну Волги, съ всеми своими князьми, з безбожными вои, с татарскими плъки, и поиде изгономъ на великого князя Дмитриа Ивановича и на всю Русь. Ведяше же рать внезапно из невѣсти умѣниемъ тацѣмъ злохитриемъ — не даючи вѣсти преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его.

И то слышав, князь Дмитрий Костянтинович Суждалскый посла к царю Тахтамышу два сына своя, Василья да Семена. Они же, пришедше, не обрѣтоша его, бѣаше бо грядя борзо на христианъ, и гнаша вслѣд его нѣколико днии, и переяша дорогу его на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Сернацѣ, и поидоша по дорозѣ его съ тщаниемъ, и постигоша его близ предѣль Рязанскыя земля. А князь Олегъ Рязанскый срѣте царя Тахтамыша преже даже не вниде в землю Рязанскую, и бивъ ему челомъ, и бысть ему помощникъ на побѣду Руси, но и споспѣшник на пакость христианом. И ина нѣкаа словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую, како бес труда взяти камень град Москву, како побѣдити и издобыти князя Дмитриа. Еще же к тому обведе царя около всей своей отчинѣ, Рязанские земли, хотяше бо добра не нам, но своему княжению помагаше.

А в то время поздѣ нѣкако си, едва прииде вѣсть князю великому, възвѣщающу татарскую рать, аще бо и не хотяше Тахтамышъ, дабы кто принеслъ вѣсть на Русь о его приходѣ, того бо ради вси гости руские поимани быша и пограблени, и удержани, дабы не было вѣсти Руси. Но обаче суть нѣции доброхоты на предѣлех ордынских на то устроени, поборници суще земли Русѣи.

Слышав же князь великый таковую вѣсть, оже идетъ на него самъ царь въ множествѣ силы своя, нача сбирати воя и съвокупляти плѣки своя, и выеха из града Москвы, хотя ити противу татарь. И ту начаша думу думати князь же Дмитрий с прочими князьми рускими, и с воеводами, и с думци, и с велможи, с бояры старѣйшими, и всячьскы гадавше. И обрѣтесе въ князех розность, и не хотѣху пособляти друг другу, и не изволиша помагати брат брату, не помянуша Давидова пророка, глаголюща: «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупѣ», и другому присно помнимому, рекшу: «Друг другу посабляя и брат брату помагаа, яко град твердъ», бывшу же промежи ими не единачеству, но неимовѣрству. И то познав, и разумѣвъ, и *разсмотрѣвъ*, благовѣрный бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убояся стати в лице противу самого царя. И не ста на бой противу его, и не подъя руки на царя, но поеха в град свой в Переяславль, и оттуду — мимо Ростова, и, паки реку, вборзѣ на Кострому. А Киприанъ митрополит приеха на Москву.

А на Москвѣ бысть замятня велика и мятеж великъ зѣло. Бяху людие смущени, яко овца, не имуще пастуха, гражданстии народи възмятошася и въсколибашася якои пѣани. Овии сѣдѣти хотяху, затворившеся въ градѣ, а друзии бѣжати помышляше. И бывши

промежи ими распри велицѣ: овии с рухлядью въ град вмѣщахуся, а друзии из града бѣжаху, ограблени суще. И створиша вѣче, позвониша въ вся колоколы. И всташа вѣчемь народи мятежници, недобрии челоуѣцы, людие крамолници: хотящих изити из града не токмо не пушаху вонъ из града, но и грабяху, ни самого митрополита не постыдѣшася, ни боярь лучших не усрамишася, ни усрамишася сѣдинъ старецъ многолѣтних. Но на вся огрозишася, ставше на всѣх вратех градскихъ, сверху каменiemъ шибаху, а долѣ на земли с рогатинами, и с сулицами, и съ обнаженнымъ оружиemъ стояху, и не дадуше вылѣсти из града, и едва умолени быша поздѣ нѣкогда выпустиша их из града, и то ограбивше.

Граду же единаче в мятежи смущающуся, аки морю мутящущуся в бури велицѣ, и ниоткуда же утѣшениа обрѣтающе, но паче болших и пущих золь ожидаху. Сим же тако бывающимъ, и потом приеха к нимъ въ град нѣкоторый князь литовскый, именемъ Остѣй, внукъ Олгердов. И тѣмъ окрѣпивъ народы, и мятеж градный укротивъ, и затворися с ними в градѣ въ осадѣ съ множествомъ народа, с тѣми, елико осталось граждан, и елико бѣжанъ збѣжалося с волостей, и елико от инѣх градов и от странъ. Приключишася в то время бояре, сурожане, суконники и прочии купци, архимандрити и игумени, протопопы, прозвитеры, дяконы, чернцы, и всякъ възрастъ — мужескъ пол и женескъ, и съ младенци.

Князь же Олегъ обведъ царя около своей земли и указа ему вся броды, суцаа на рѣцѣ на Оцѣ. Царь же перешед рѣку Оку и преже всѣх взя град Серпохов и огнемъ пожже. И оттуду поиде к Москвѣ, напрасно устремився, духа ратнаго наполнися, волости и села жгуще и воююще, а народ христианский сѣкуще и всячески убивающе, а инии люди в полон емлюще. И прииде ратью к граду Москвѣ. А сила татарскаа прииде мѣсяца августа 23 в понедельник. И приехавши не вси плѣци к граду, начаша *кличуще* въпрашивати, въпующе и глаголюще: «Есть ли зде князь Дмитрий?» Они же из града с забороль отвѣщавше, рекоша: «Нѣтъ». Татарове же, отступивше недалече, и поехаша около града, обзирающе и разсматривающе приступы и рвы, и врата, и забралы, и стрѣлници. И паки стояху, зряще на град.

А тогда в градѣ внутрѣду добрии людие моляхуся Богу день и ночь, предстояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся с покааниемъ, и с причастиемъ, и слезами. Нѣции же недобрии челоуѣци начаша обходити по дворомъ, износяще ис погребов меды господския и съсуды сребреныа, и стѣкляници драгыа, и упивахуся даже и до пиана, и к шатанию дерзость прилагаху, глаголюще: «Не устрашаемся

нахожениа поганых татаръ, селикъ твердь град имущи, еже суть стѣны камены и врата желѣзна. Не терпят бо ти долго стояти под градом нашимъ, сугубъ страх имуще, изнутри града — бойци, а извнѣ — князей нашихъ съвокупляемыхъ устремлениа боятсѧ». И паки възлазѧще на град, пиани суще шатахусѧ, ругающесѧ татаромъ, образомъ бестуднымъ досажаяще, и нѣкаа словеса износяще, испльнь укоризны, и хулы, и кидаху на ня, мняху бо толико то и есть силы татарские. Татарове же прямо к нимъ на градъ голыма сабли машуще, образомъ аки тинаху, наживающе издалече.

И в той день к вечеру ти полци от града отступиша, и на утриа самъ царь приступи съ всею силою и съ всѣми полки своими под град. Гражане же з града узрѣвше силу велику и убояшасѧ зѣло. Татарове же такъ и поидоша к граду. Гражане же пустиша на ня по стрѣлѣ, и они паче стрѣляше, и идяху стрѣлы их на град аки дождева туча умножена зѣло, не дадуще ни прозрѣти. И мнози на градѣ стояще и на забралех от стрѣль падаху, одоляху бо татарскыа стрѣлы паче, нежели гражанскыа, бяху бо у них стрѣлци горазди вельми. Ови от них стояще стрѣляху, а друзии скоро рищуще изучени суще, инии на конѣ борзо гоняще на обѣ руцѣ, и паки и напред и назадъ скорополучно без прогрѣхы стрѣляху. А друзии от них, створше лѣствици и присланяюще я, лазяху на стѣны. Гражане же воду в котлех варяще кипятню и ляху на ня, и тако възбраняхуть им. Отшедшим же симъ, и паки приступльшимъ. И тако по три дня бяхусѧ промеж собою пренемагающесѧ. Егда бо татарове приступаху к граду, близ приступающе к стѣнамъ градскимъ, тогда гражане, стрегущи града, супротивишасѧ имъ възбраняюще: ови стрѣлами стрѣляху съ заборол, овии же камениемъ шибяху на ня, друзии же тюфяки пуцаху н них, а инии самострѣлы, напязаяще, пругаху и пороки. Есть же нѣции, егда и самыа ты пушки пуцаху. В них же бѣ единъ нѣкто гражанинъ москвитин, суконникъ, именовъ Адамъ, иже бѣ над враты Фроловскими примѣтив и назнаменав единого татарина нарочита и славна, иже бѣ сынъ нѣкоего князя ордынского, напргъ стрѣлу самострѣльную, юже испусти напрасно, еуже и унзе и в сердце гнѣвливое, въскорѣ и смерть ему нанесе. Се же бысть велика язва всѣмъ татаромъ, яко и самому царю стужити о семь. Сим же тако бывающимъ, царь стояв у града 3 дни, а на 4 день оболга князя Остѣя лживыми рѣчми и лживымъ миромъ, и вызва его вонъ из града, и уби его пред враты града, а ратемъ своимъ всѣмъ повелѣ оступити град съ вси стороны.

Какова же бысть облесть Остѣю и всѣмъ гражаномъ, сущимъ въ осадѣ? И понеже царю стоявшу 3 дня, а на 4 и наутриа, в полюбѣда, по повелѣнию цареву приехаша татарове нарочитии, болшии князи ордынские и рядци его, с ними же два князя суждалскыа, Василей да Семень, сынове князя Дмитриа Суждальского. И пришедше под град,

приблизившись близ стѣнь градских по опасу, и начаша глаголати к народу, сущему в градѣ: «Царь вас, своих люди, хочет жаловати, понеже неповинни есте, и нѣсте достойни смерти, не на вас бо воюя прииде, но на Дмитриа, ратуя, опльчися. Вы же достойни бысте милованиа. Иного же ничто же не требуетъ от вас, развѣ токмо *изыдете* противу его въ стрѣтение ему с честию и з дары, купно и с своимъ княземъ, хочет бо видѣти градъ сѣй и в онъ внити, и в немъ побывать, а вамъ дарует миръ и любовь свою, а вы ему врата градныя отворите». Также и князи Нижняго Новаграда глаголаху: «Имѣте вѣры намъ, мы есмы ваши князи христианскые, вамъ на томъ правду даемъ». Народи же гражанстии вѣрующа словесемъ их, си помыслиша и прелстишася, ослѣпи бо их злоба татарскаа и омрачи я прелестъ бесерменскаа; ни познаша, ни помянуша глаголющаго: «Не всякому духу вѣру имѣте». И отвориша врата градная, и выйдоша съ своимъ княземъ и с дары многими к царю, также и архимандритове, игумени и попове съ кресты, и по них бояре и лучшии мужи, и потом народъ и черныи люди.

И в томъ часѣ начаша татарове сѣчи их по ряду напрасно. Преже всѣх их убиень бысть князь Остѣй пред градом, и потом начаша сѣчи попов и игуменов, аще и в ризах съ кресты, и черных люди. И ту бяше видѣти свята иконы повержены и на земли лежаща, и кресты честныа без чести небрегомы, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татарове же поидоша паки в град сѣкуще, а иные по лѣствицамъ на град взидоша, никому же възбраняющу съ забрал, не сущу забралнику на стѣнах, и не сущу избавляющу, ниже спасающу. И бысть внутрь града сѣчя велика, а внѣду также. Толико же сѣчаху, дондеже руцѣ их и плеча их измолкоша, и сила их изнеможе, сабли их не имут — остриа их притупишася. Людие *крстьяньстии*, сущии тогда в градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣмо и овамо, скоро ришуще толпами, въпиюще и глаголюще, и в перси своя бьюще. Нѣгде избавления обрѣсти, и нѣгде смерти избыти, и нѣсть где остриа меча укрытися! Оскудѣ князь и воевода, и все воинство их потребися, и оружиа их до конца исчезоша! Ови в церквах съборных каменных затворишася, но и тамо не избыша, безбожнии бо силою разбиша двери церковныа и сих мечи изсѣкоша. Вездѣ же крикъ и вопль великъ страшень бываше, яко не слышати друг друга въпиюща, множеством народа кричаща. Они же, христиан изводяще изъ церкви, лупяще и обнажающе, сѣчаху, и церкви съборныа разграбиша, и олтаря свята мѣста попраша, и кресты честныа и иконы чудныа одраша, украшенныа златомъ и серебромъ и женчюгом и бисеромъ, и камениемъ драгимъ; и пелены, златомъ шитыа и женчюгомъ саженыа, оборваша, и съ святых икон кузнъ съдравше, а свята иконы попраша, и съсуды церковныа служебныа священныа, златокваныа и серебряныа, многоцѣнныа, поимаша, и ризы поповскыа многоцѣнныа расхитиша. Книг же много множество снесено съ всего града и из сель в соборных церквах до стропа наметано, спроважено съхранения ради — то все без вѣсти сътвориша. Что же изърцѣмъ о казнѣ великаго князя, яко и тоя

многоскоровенное скровище скоро истощися, и велехранное богатство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесено бысть.

Приидемъ в сказание и прочих и многихъ бояръ старѣйшихъ: их же казны долговременствомъ собираемы и благоденствомъ наплъняемы, и хранилища их исплънь богатства и имѣния многоцѣннаго и неизчетнаго — то все взяша и понесоша. И паки другыя сущии в градѣ купци, яже суть богатии людие, храмины ихъ наполнены всякого добра, и клѣти ихъ нанесены всякого товара разноличнаго — то все взяша и расхитиша. Многы монастыри и многы церкви разрушиша, въ святыхъ церквахъ убийство сдѣяша, и въ священныхъ олтарехъ кровопролитие створиша окаянии, и святаа мѣста погании оскверниша. Якоже пророкъ глаголаше: «Боже, приидоша языци в достоинство твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупиа рабъ твоихъ — брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ — звѣремъ земнымъ, пролиаша кровь ихъ, яко воду, окрестъ Москвы, не бѣ погрѣбаяи», и девица ихъ не оѣтованы быша, и вдовица ихъ не *оплакани* быша, и священницы ихъ оружиемъ падоша. Была бо тогда сѣча зла зѣло, и мното безчисленное множество ту паде трупиа руси, от татаръ избиеныхъ, многихъ мертвыхъ лежаху телеса, мужи и жены не покровены. И ту убиен бысть Семень, архимандритъ спасьскый, и другый архимандритъ Иаковъ, и инии мнози игумени, попове, дьякони, крилошане, четци, пѣвци, черньци и простци, от юнаго и до старца, мужска полу и женска, — ти вси посѣчени быша, а друзии огнемъ изгорѣша, а инии в водѣ истопоша, а инии множайшии от нихъ в полон поведени быша и в работу поганскую, и въ страну татарскую пленени быша.

И бѣше видѣти тогда в градѣ плач и рыдание, и вопль многъ, слезы неисчетенныя, крикъ неутолимый, стонание многое, оханье *сѣтованное*, печаль горкаа, скорбь неутешимая, бѣда нестерпимаа, нужда ужаснаа, горесть смертнаа, страх, трепет, ужась, дряхлование, исчезновение, попрание, безчестие, поругание, посмѣвание враговъ, укорь, студ, срамота, поношение, уничижение.

Си вся приключишася на христианскомъ родѣ от поганыхъ за грѣхы наша. И тако вскорѣ злии взяша градъ Москву месяца августа въ 26 на память святого мученика Андреана и Натальи въ 7 часъ дни в четвергъ по обѣдѣ. Товаръ же и всяческаа имѣния пограбиша, и градъ огнемъ зажгоша — градъ убо огню предаша, а людии — мечю. И бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечъ: овии, огня бѣжаща, мечемъ умроша, а друзии — меча бѣжаще, въ огни сгорѣша. И бысть имъ четверообразнаа пагуба: пръвое — от меча, второе — от огня, третье — в водѣ потопоша, четвертое — въ пленение поведени быша.

И бяше дотолѣ, преже видѣти, была Москва град великъ, град чюдень, градъ многочеловѣчень, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в нем же множество всякого узорочья. И паки въ единомъ часѣ измѣнися видѣние его, егда взят бысть, и посѣченъ, и пожженъ. И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыа церкви стояще аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши.

Плачется церкви о чядах церковных, паче же о избъеных, яко матере о чадѣх плачущися. О, чада церковнаа, о, страсотерпци избъении, иже нужную кончину подъясте, иже сугубую смерть претръпѣсте — от огня и меча, от поганых насилства! Церкви стоаше не имущи лѣпоты, ни красоты! Где тогда красота церковнаа, понеже престала служба, еюже многа блага у Господа просимъ, престала святаа литургия, престала святаа просфира приношение, еже на святомъ жрътвницѣ, престала молитва заутреня и вечерняя, преста гласъ псалму, по всему граду умлъкоша пѣсни! Увы мнѣ! Страшно се слышати, страшнѣе же тогда было видѣти! Грѣси наши то намъ створиша! Где благочиние и благостоание церковное? Где четци и пѣвци? Где клиросници церковнии? Где суть священници, служащии Богу день и ночь? Все лежать и почиша, все уснуша, все посѣчени быша и избъени быша, усѣчениемъ меча умроша. Нѣсть позвонения в колоколы, и в било нѣсть зовущаго, ни текущаго; не слышати в церкви гласа поюща, нѣсть слышати славослова, ни хвалослова, не бысть по церквамъ стихослова, и благодарения. Въистину суета человекъскаа, и бысть всеу мятежь человекъскый. Сиче же бысть конецъ московскому плѣнению.

Не токмо же едина Москва взята бысть, но и прочии гради и страны плѣнены быша. Князь же великый съ княгинею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ, а брат его Володимерь на Волоцѣ, а мати Володимерова и княгини в Торжъку, а Герасимъ владыка коломенскый в Новѣградѣ. И кто нас, братие, о семь не устрашится, видя таковое смущение Руской земли! Якоже Господь глагола пророкомъ: «Аще хотите послушаете мене — благаа земнаа снѣсте, и положю страх вашъ на вразех ваших. Аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никимже гоними, пошлю на вы страх и ужась, побѣгнет васъ от пяти сто, а от ста — тма».

Хож(д)ение за три моря тверского купца Афанасия Никитина

«Хождение за три моря» тверского купца XV в. Афанасия Никитина — бесспорно, один из наиболее замечательных памятников древнерусской литературы. Важнейшей особенностью этого памятника следует считать его совершенно неофициальный характер — это записки русского человека, попавшего на чужбину, не имевшие определенного адресата. Мы ничего не знаем об Афанасии Никитине, кроме сведений, содержащихся в «Хождении», и заметки, предшествующей ему в летописной редакции. Как может быть установлено по этим источникам, путешествие Никитина происходило в 1468—1475 гг., незадолго до присоединения Твери к Московскому государству; умер он около 1475 г., не дойдя до Смоленска. Нет оснований считать Афанасия Никитина особенно предприимчивым купцом, сознательно стремившимся в Индию; не был он и дипломатом. Товары, с которыми он отправился в путь, предназначались, очевидно, для продажи на Кавказе. В Индию он пошел «от многия беды», после того как был ограблен в низовьях Волги. Единственным товаром, который он доставил в Индию, был купленный по дороге и проданный с большим трудом конь. Путевые записки Никитина были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты. Он предполагал, конечно, что его дневник прочтут на родине (именно поэтому он записывал наиболее сомнительные с официальной точки зрения разделы по-тюркски и персидски), но не приспособлял его к этикетным нормам, характерным для церковной и официальной светской литературы того времени. Своей непосредственностью и конкретностью «Хождение» напоминало рассказ Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского. Личностный характер рассказа Никитина, способность его автора раскрыть читателю свой внутренний мир — этими чертами «Хождение» перекликается с величайшим памятником древнерусской литературы, созданным два века спустя, — «Житием» протопопа Аввакума.

«Хождение за три моря» дошло до нас в трех изводах, или редакциях. Один из них содержится в составе Софийской второй и Львовской летописей, восходящих к своду 1518 г., отражавшему, в свою очередь, более ранний летописный свод 80-х г. XV в.; второй входит в сборник конца XV—начала XVI в. из Музейного собрания РГБ (принадлежавший ранее Троицкому монастырю и именуемый поэтому обычно Троицким); третья редакция, входящая в состав поздней летописно-хронографической компиляции, относится уже к XVII в. Отрывки из «Хождения» читаются также в сборнике конца XV в. — РГБ, ф. 178, № 3271 (л. 35 об.). Нет оснований видеть в этих изводах различные авторские редакции — вероятнее предположить, что они возникли при переписке памятника.

В настоящем издании мы публикуем текст «Хождения за три моря» по Эттерову списку Львовской летописи (РНБ, Р.IV. 144, лл. 442 об.—458 об.) с исправлением по Архивскому списку Софийской второй летописи (РГАДА, ф. 181, № 371/821, лл. 193—220 об.) и Троицкому списку (РГБ, ф. 178, № 8665, лл. 369—392 об.).

Два больших пропуска в летописном изводе («...вѣх в Дербентъ доброволно... Гурмызь есть на островѣ, а ежедень...»), «Приидох же в Бедерь... а виденье обезьянино») восполнены по Троицкому списку (вставки эти, в отличие от более мелких, не отмечены в тексте курсивом).

В лѣто 6983 <...>. Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца, что былъ в Ындѣе 4 годы, а ходил, сказывает, с Васильемъ Папиным. Азь же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер, а сказывают что, деи, Смоленьска не дошед, умеръ. А писание то своею рукою написал, иже его руки тѣ тетради привезли гости к Мамыреву Василью, к дияку к великого князя на Москву.

За молитву святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, раба своего грѣшнаго Афонася Микитина сына.

Се написах свое грѣшное хождение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа, 2-е море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа, 3-е море Черное, дориа Стебольская.

Поидох от Спаса святого златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыкы Генадия Тверскаго, и Бориса Захарьича.

И поидох вниз Волгою. И приидох в монастырь Колязин ко святѣй Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису и Глѣбу. И у игумена ся благословив у Макария и у святыхъ братии. И ис Колязина поидох на Углеч, и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приѣхалъ есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. И отпустил мя доброволно. И на Плесо приѣхая есми доброволно.

И приѣхал есми в Новгород в Нижней к Михайло х Киселеву, к намѣстнику, и к пошлиннику к Ывану к Сараеву, и они мя отпустили доброволно. А Василей Папин проѣхал мимо город двѣ недѣли, и яз ждал в Новѣгородѣ в Нижнем две недѣли посла

татарскаго ширваншина Асанбега а ѣхал с кречаты от великого князя Ивана, а кречатов у него девяносто.

И приѣхал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есмя проѣхали, и *Услань*, и Сарай, и *Берекезаны* есмя проѣхали. И въѣхали есмя в Бузань. Ту наѣхали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсым салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысящи татар». И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да полѣз есми на судно на послово и с товарищи своими.

Поѣхали есмя мимо Хазтарахан, а мѣсяць свѣтит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бѣгайте!» А мы того не слыхали ничего, а бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богунѣ и учили нас стреляти. И у нас застрелили человѣка, а у них дву татаринов застрѣлили. И судно наше *меншее* стало на ѣзу, и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меншем судне.

А в болшом суднѣ есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взад велѣли тянути вверхъ *до* ѣзу. И тут судно наше *болшее* пограбили и четыре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили вѣсти дѣля.

И пошли есмя в Дербентъ, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбѣг, да тезикы, да русаков нас десеть головами; а в другом судне 6 москвич, да шесть тверич, да коровы, да кормъ нашъ. А вѣстала фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег. А ту есть городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакы да людей поимали всѣх.

И пришли есмя в Дербентъ, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблени. И *билъ есми* челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбѣгу, что есмя с *нимъ* пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поимали под Тархи кайтаки. И Асанбѣг

печаловался и ѣздил на гору къ Булатубегу. И Булатбегъ послал скорохода ко ширваншибегу, что: «господине, судно руское розбило под Тархи, и кайтаки, пришед, люди поимали, а товар их розграбили».

И ширваншабегъ того же часа послал посла к шурина своему Алиль-бегу, кайтачевскому князю, что: «судно ся *мое* разбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя. А что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и яз тебѣ, своему брату, не бороню. А тѣ люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно, меня дѣля». И Алильбегъ того часа люди отслал всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их к ширванши в ѣрду его, коитуль.

А мы поехали к ширванше во и коитуль и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловаль, чѣм дойти до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакавъ, да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные остались в Шамахѣе, а иные пошли роботать к Бакѣ.

А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огонь горить неугасимы, а изъ Баки пошелъ есми за море к Чебокару.

Да тутъ есми жил в Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць, в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тутъ жиль есми мѣсяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня, Алеевых детей и внучать Махметевых, и онъ их прокляль, ино 70 городовъ ся розвалило.

А из Дрѣя к Кашени, и тутъ есми был мѣсяць, а из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездѣи, и тутъ жиль есми мѣсяць. А из Диесь къ Сырчану, а изъ Сырчана къ Тарому, а фуники кормять животину, батманъ по 4 алтыны. А изъ Торома к Лару, а изъ Лара к Бендерю, и тутъ есть пристанище Гурмызьское. И тутъ есть море Индѣйское, а парсьѣйским языкомъ и Гондустаньскаа дория; и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили.

А Гурмызь есть на островѣ, а еждень поимаетъ его море по двожды на день. И тут есми взял первый Великъ день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми города не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человекѣ сожжет. А в Гурмызе был есми мѣсяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское по Велице дни в Радуницу, в таву с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дѣгу 4 дни; а от Дѣга Кузряту; а от Кузрята Конбаату. А тут ся родит краска да лекъ. А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя *пошли* въ 7-ую недѣлю по Велице дни, а шли в тавѣ есмя 6 недѣль морем до Чивиля.

И тут есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти родятся на всякый год, а детей у них много. А мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человекѣку. А князь ихъ — фота на головѣ, а другая на гузнѣ; а бояре у них — фота на плещѣ, а другаа на гузне, княини ходят фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне. А слуги княжие и боярьские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣт, сором не покрыт.

Домострой

Один из важнейших памятников древнерусской светской литературы «Домострой» был создан как синтез нескольких жанров в эпоху становления русской государственности в первой половине царствования Ивана IV Грозного. По-видимому, этому предшествовал длительный период складывания текста на основе самых разных источников, в том числе и связанных с византийской традицией; сказались в нем и влияния деловых и хозяйственных сочинений конца XV в., в том числе и переводных (напр., польской книги М. Рея «Żywot człowieka poczciwego» — «Жизнь добропорядочного человека»). Таким образом, в широком смысле «Домострой» впитал в себя общие идеи средневековья, не всегда имеющие строго национальную основу. Однако окончательный результат в подборе источников и в характере самого текста, в интонации повествования и в идеологических акцентах является чисто русским, несет на себе следы русской жизни в начале XVI в. Образная русская речь, множество ставших теперь диалектными слов, богатство традиционных художественно-образных формул, языковая близость к фольклорным текстам, но также и к текстам деловым — несомненно и доказывают участие многих лиц в создании этого памятника. Сборность его подтверждается также неоднократными повторениями, иногда даже в пределах одной и той же главы; одни и те же вещи именуется разными словами, относившимися к различным русским говорам. Но в том и состоит основная ценность «Домостроя» сегодня: с его помощью мы можем заглянуть в быт наших предков XV—XVI вв. и как бы присутствовать при их «разговорах».

Авторство одного лица в составлении окончательного текста памятника можно предполагать только в общем плане книги, в композиции ее частей, в выборе объектов описания, в логической структуре повествования, в языковой обработке старых текстов. В целом же совершенно ясно, что «Домострой» — не механическая компиляция, а полемически заостренное произведение, это «не описание практических устоев жизни, а дидактическое изложение ее теории» (А. Н. Пыпин). Дидактичность «Домостроя» четко задана указанием в самом тексте: жить следует так, «как в сѣи памяти писано». В соответствии со значением в древнерусском языке слова память, это одновременно и «воспоминание об отческих традициях», и «понимание» современной автору ситуации, и «напоминание-наставление» для будущих поколений.

Авторство окончательного текста «Домостроя» связывается с именем вполне определенного человека, известного сподвижника Ивана IV, его духовного наставника, — Сильвестра.

Сильвестр (начало XVI в.—до 1568 г.), выходец из новгородской зажиточной торгово-промышленной среды, был близок к новгородскому архиепископу Макарию, после избрания которого митрополитом переехал в Москву и с 1545 г. стал протопопом придворного Благовещенского собора в Кремле. Он участвовал в подготовке и проведении государственных и культурных реформ того времени, в том числе в составлении и редактировании таких важных памятников, как Судебник 1550 г. и Четьи-Минеи. По своим политическим взглядам Сильвестр близок к нестяжателям, он выступал против обогащения церкви, отстаивал сильную государственную власть

— единой державе; это стало политической платформой для сближения с представителями возвышавшегося дворянства (в лице других приверженцев нового курса, таких как Алексей Адашев). «Остуда» Ивана IV к Сильвестру началась после боярского «мятежа» 1553 г., в котором Сильвестр занял уклончивую позицию; поскольку же он был связан с Владимиром Старицким, основным антагонистом Ивана IV, ему пришлось «добровольно» постричься в Кирилло-Белозерский монастырь (под именем Спиридона). Окончательная опала постигла Сильвестра весной 1560 г., после смерти царицы Анастасии, которая благоволила ему. Дальнейшие обстоятельства личной жизни Сильвестра мало известны и являются спорными, неизвестно даже время и место его смерти. Крупный политический деятель и писатель, в последние годы жизни он занимался только перепиской книг, некоторые из них сохранились.

«Домострой» «сильвестровской редакции» — основное произведение писателя; он отредактировал и отчасти дополнил ходивший в списках новгородский сборник аналогичного содержания (А. С. Орлов).

До наших дней сохранилось около сорока списков «Домостроя» в трех редакциях: 1) краткая по содержанию, близкая к предполагаемому новгородскому сборнику; она дополнена некоторыми частями, не использованными Сильвестром, — с перечнем яств по праздникам, с описанием свадебного чина и др.; 2) «Сильвестровская», которая, собственно, и называется «Домостроем», дополненная составленной лично Сильвестром 64-й главой («Послание и наказание к сыну Анфиму», так называемый «малый Домострой»); здесь устранены композиционно лишние статьи о праздниках и произведена правка основного текста; 3) смешанная, представленная всего тремя списками, она возникла позже в результате неумелого механического переписывания с текстов основных редакций.

Три основные части «Домостроя» излагают правила общежития в отношении «духовного строения» (религиозные наставления, главы 1—15), «мирского строения» (о семейных отношениях, главы 16—29) и «домовного строения» (хозяйственные рекомендации, главы 30—63); 64-я глава отчасти повторяет основные мысли предыдущих частей, одновременно это как бы житейское, основанное на личном опыте автора обоснование «Домостроя»: Сильвестр на примерах показывает сыну, насколько эффективны и справедливы рекомендации «Домостроя», следуя которым можно добиться успеха в современном им обществе. Последняя глава описывает конечный результат тех действий, которые рекомендованы в «Домострое» и являются традиционными. Эту же главу можно воспринимать и как самостоятельное произведение: оно относится к древнерусскому жанру поучений отца сыну, распространенному уже с XII в. Большинство подробностей частной жизни Сильвестра нам известно как раз из текста этого послания.

Все части «Домостроя» отражают опыт семейной и хозяйственной жизни крупного домашнего хозяйства XV—XVI вв. Однако за этим стоит многовековой опыт частной жизни русских людей, оттесненных набегами язычников на крайний север славянского мира.

В «Сильвестровской» редакции на примере семейных отношений и описывается подобная модель государственного организма, увенчанного самодержавной властью «государя» (характерно и употребление слова государь одновременно в отношении и к

государственному и к семейному владыке без различения их функций) и сложными отношениями к нему со стороны других членов «дома», основанными не только на силе, но еще и на законе и на чувстве долга. Идеологически такая модель была более характерной для московского, а не новгородского быта. Вообще нужно сказать, что, хотя «Домострой» и рисует «образцовый дом», этот «дом» не является хозяйством безликим и в понятии «усредненным»; его нельзя связать с любым хозяином Московской Руси, он был таким не для всякого мужика. Социальное расслоение в русском обществе достигло уже той степени, когда только действительный «государь» и мог стать «владыкой дому». Но тем и интересен «Домострой», который тщательно выписывает для нас средневековый быт в конкретно-историческом его проявлении: уже не в условиях общинного равенства или жизни в городской коммуне, но еще и — не гнет крепостничества. В яркой художественной форме «Домострой» рисует общественно-нравственный идеал в момент, когда «старина поисшталась» (А. Н. Пыпин). Особый упор делая на чувстве долга и выделяя нравственные основы жизни, главным образом в отношении женщин, детей и слуг, «Домострой» ничего не говорит о культурной и интеллектуальной жизни общества и семьи, что естественно для церковного писателя того времени. Однако это обстоятельство и стало причиной осуждения «Домостроя» в XIX в. — в связи с изменением общего отношения к нормам не только семейной, но и общественной жизни. Славянофилы не находили положения и рекомендации «Домостроя» идеальными, западники ссылались на него как на образец крепостной зависимости; в XX в. «Домострой» определенно воспринимается как «теория семейного рабства и скопидомство» (А. С. Орлов).

Для своего же времени «Домострой» был авторитетным руководством и важным, регламентирующим жизнь текстом. В полном соответствии со средневековыми представлениями «Домострой» в законченном виде выстраивал иерархию основных организующих форм: государство — церковь — семья, с ведущим для такой иерархии принципом единения на основе воли, понимаемой как общественная польза. Таковы были требования истории, и в полном соблюдении принципа власти на всех социальных уровнях реформаторы XVI в. видели смысл своих государственных реформ и прочность государственной жизни. В этой жесткой иерархии и сам владыка оказывается не вполне свободным, он и сам просто обязан учить и наставлять всех окрест себя. Если же он не исполняет такой своей функции, его самого накажут — Бог, государь, «суседи» — насмешкой, судом, штрафом. Смысл жизни государя, таким образом, и заключается в «руководстве домом». Семья как школа подготовки к жизни в обществе при отсутствии еще организованного государственного образования; не индивидуальные склонности и способности человека, а общегражданские, прагматически сконцентрированные добродетели; не развитие моральных установлений, а утверждение традиции как всеобщей нормы для всех, — все это характерно для общественной атмосферы, породившей «Домострой».

Одновременно «Домострой» отражает и коренные взгляды русского народа, сохраненные в продолжение веков несмотря на чуждые влияния. Например, антиженский элемент церковных проповедей и мусульманских представлений эпохи «татарского ига», как можно судить по этому памятнику, привился не вполне: женщина — хозяйка дома в иерархии семейных отношений занимает свое особое место, права и обязанности хозяина и хозяйки находятся как бы в дополняющем друг друга распределении, почти не пересекаясь, а это и определяет высокий социальный ранг хозяйки в частной жизни каждого дома. В большинстве глав «Домостроя» христианство вообще понимается не в каноническом смысле как «царство духа», а

вполне практически, как всякая другая хозяйственная надобность — это чистый обряд, практическое суеверие, которое активно сопровождало все сферы русской жизни с языческих времен. Сокращенный пересказ текстов Писания, примененный в «Домострое», показывает границы той вольности, какую позволял себе автор. Сопоставление церковных учений средневековья с духовным регламентом «Домостроя» дает своеобразный масштаб для суждений о смысле самого «Домостроя» — это не вероучение, а практический минимум нравственной жизни, который не связан с богословской стороной религии. Важна идея живого примера, наглядного образца как формы воспитания в семье молодых ее членов и слуг. Таким способом в XVI в. создавалась искомая целостность всего воспитательного комплекса наставлений, призванная «выбивать автоматическую совесть» из воспитуемого (как выразился исследователь «Домостроя» в прошлом веке — П. Бракенгеймер). Характерно, например, четкое противопоставление прав и обязанностей каждого члена дома (а в сущности, и любой другой социальной иерархии) с непременным указанием форм и степеней не только наказания за многие вины, но и поощрения за честную и усердную работу. Кроме всего прочего, «Домострой» не просто рисует идеальный тип хозяина-государя, он указывает и на отрицательные стороны бытия и быта (глава «О неправедном житии» и др.), то есть предостерегает от возможных ошибок и заблуждений.

Текст «Домостроя» публикуется по древнейшей (XVI в.) рукописи полной («силвестровской») редакции: РНБ, Q. XVII. 149 (так называемый «Конишинский список Домостроя»), л. 1—124; опущено только оглавление, идущее сразу же вслед за заглавием, в нем перечисляются названия глав, повторенные впоследствии в самом тексте. Сверка с другими списками этой редакции произведена по изданию: Орлов А. С. Домострой по Конишинскому списку и подобным. М., 1908, с. 4—142 (Чт. ОИДР, 1908, кн. II, с поправками в Чт. ОИДР, 1911, кн. I).

8. КАКО ДОМЪ СВОЙ УКРАСИТИ СВЯТЫМИ ОБРАЗЫ, ДОМЪ ЧИСТЬ ИМѢТИ

В дому своемъ всякому христянину во всякой храмине свѣтыя и честныя образы, написаны на иконахъ, по существу ставити на стенах, устроив благолѣпно со всякимъ украшениемъ, и со свѣтилники, въ них же свѣщи предъ свѣтыми образы возжигаются на всякомъ славословии божи, и по пѣнии погашаютъ, завѣсою закрываются всякия ради чистоты и от пыли, благочиния ради и бжежня; а всегда чистымъ крылышкомъ омѣтати, и мяхкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всѣгда. А к свѣтымъ образомъ касатися достойнымъ в чистей совести и на словословии божи, и на святомъ пѣнии, и молитвѣ свѣчи жигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и фимияномъ, а образы свѣтыя поставляются, иже в начале по чину, свято почитаемы суть имяны прежереченными, в молитвахъ и во бдениихъ, и в поклонехъ, и во всякомъ славословии Божи, всегда почитати ихъ со слезами и съ рыданиемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущения грѣхомъ.

9. КАКО К ЦЕРКВАМЪ БОЖИИМ И В МОНАСТЫРИ С ПРИНОШЕНИЕМЪ ПРИХОДИТИ

А к церквамъ Божиимъ всегда с вѣрою приходити, с приношениемъ: с свечею и с просфирою, с фимияномъ и с ладономъ, с канономъ и с кутьею, и с милостынею, и за здравие, и за упокой, и к празникомъ; и по монастыремъ тако с милостынею и с приношениемъ приходити, егда принесеши даръ свой ко олтарю, воспоминай еуаггельское слово: «Егда нѣчто иматъ братъ твой на тя, остави ту даръ свой пред олтаремъ, и шедъ смирися з братомъ своимъ прежде», тогда принеси даръ свой к Богу от праведнаго своего имѣния: от неправды неприятна милостыня к силнымъ. Речено бысть: «Лучше не грабити, неже милостыня даяти». От неправды отдай обидимому — приятнее милостыни, а к Богу приятна милостыня от праведнаго стяжания и от добрыхъ дѣлъ.

10. КАКО СВЯЩЕННИКОВЪ И ИНОКОВ В ДОМЪ СВОЙ ПРИЗЫВАТИ МОЛИТИСЯ

А в которые любо праздники по обещанию *своему* да призываютъ священнический чин в домъ свой, елико по силе, и молебная совершают о всякомъ прощении и молят за царя и великаго князя имярек, всея Руси самодержца, и за его царицу и великую княгиню имярек и за ихъ благородныя чада, и за братью его и за боляре, и за все христороливо воинство, иже побѣду на враги и о плененыхъ свободѣ, и о всемъ священническомъ и иноческомъ ящаго... А от стола или от трапезы ества и питие тайно износити или высылати не по повелению настоящаго и безъ благословения святотаство суть и самочиние, таковыхъ всячески бесчествуютъ. Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не сѣди на преднемъ мѣсте, егда кто честнѣе тебѣ будетъ, званныхъ имъ; и пришедъ, иже тебѣ звавый, *инога* речеть, ты даждь сему мѣсто, и тогда начнеши со студомъ послѣднее мѣсто держати; но егда званъ будеши, шедъ сяди на послѣднемъ мѣсте, да егда приидеть звавый тя и речеть ти: «Друже, посяди выше!» — тогда будет ти слава превозлежащими с тобою, яко всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесѣтся. Егда на трапѣзе предпоставят ти многообразныя яди и пития, егда кто честнѣе тебѣ будетъ званныхъ, не начни вкушати прежде ничто же; аще ты начальствень будеши, предпоставленую ядь разсужая начинай. У некихъ боголюбцевъ изобилно бываетъ вкушение и питие и излишнее цѣло снимают, и вперед инымъ на потребу пригожается. И аще кто нечувственъ и не искусень, и не ученъ, и невѣжда не рассуждая всякаго брашна в пресыщения начинаеть и небрегомо творить, будет и самъ поруганъ и посмѣян, и обещестень от Бога и от человекъ.

11. КАКО КОРМИТИ ПРИХОДЯЩИХ В ДОМУ З БЛАГОДАРЕНИЕМЪ

Егда трапѣзу предпоставляеши, вначале священници Отца и Сына и Святаго Духа прославляют, потомъ Девницу Богородицу; и егда ядяху з благодарениемъ и с молчаниемъ или з духовною бесѣдою, тогда аггели невидимо предстоят и написуютъ дѣла добрая, и ества и питие в сладость бывает; аще начнетъ предпоставленую еству и питие похулят, тогда мотыло обращается сии вкушаютъ; и аще скаредныя речи и блудныя срамословие, и смѣхотворение, и всякое глумление или гусли и плесание и плескание, и скокание, и всякие игры и пѣсни бѣсовскіе, — тогда якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже и отыдутъ аггелы Божии от тоя трапѣзы и смрадныя бесѣды, и возрадуются бѣси и приидут, волю свою улучивъ, и вся угодная творится имъ: да такоже бесчинствуютъ и зерню, и шахматы, и всякими играми бѣсовскими тѣшатся, даръ Божий еству и питие, и всякие овощи в поругание помѣщут, и проливают, другъ друга шибают и обливаютъ, всячески поругаются дару Божию, а дияволы записуютъ дѣла их, приносятъ къ сотанѣ и вкупѣ радуются погибели християньския. И та вся дѣла предстанут в день Страшнаго суда. О горе *дѣлющим* таковая! Егда жидове сѣдоша ясти в пустыни и пити и, объядшася и опившеся, и восташа играти и блуд творити, и тогда пожре земля их двадесят тысящ и три тысящи. О устрашитесь, людие, творите волю Божию, якоже есть в Законе писано, а от сего злаго бесчиния соблюди, Господи, всякаго християнина. Ести бы и пити в славу Божию, а не объядатися, ни упиватися, ни пустошных творити и, аще пред кого поставляеши еству или питие и всякое брашно или пред тобя поставятъ всякаго брашна, не подобает похулити, глаголати: «гнило» или «кисло», или «прѣсно», или «солono», или «горко», или «затхлося», или «сыро», или «переварено», или какую ни буди хулу возлогати, но подобаетъ даръ Божий всякое брашно похваляти и со благодарениемъ вкушати, ино Богъ обоняет воню благоухания, и в сладость претворити. И аще которая ества или питие непотребно, ино о томъ наказывати домочадцовъ, кто то дѣлалъ, штобы впередъ таково не было.

12. КАКО МУЖУ З ЖЕНОЮ И З ДОМОЧАТЦЫ В ДОМУ СВОЕМЪ МОЛИТИСЬ

По вся дни в вечере мужъ ж женою и з дѣтьми, и з домочадцы, кто умѣетъ грамоте — отпѣти вечерня, павечерница, полунощница с молчаниемъ и со вниманиемъ, и с кротькостояниемъ, и с молитвою, и с поклоны, пѣти внятно и единогласно, после правила отнюдь ни пити ни ести. Всегда всяму тому наукъ. А ложася спати, всякому християнину по три поклона въ землю положити, а в полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно к Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшении, а *утре*

востава также, и комуждо по силе и по желанию, а непразнымъ женамъ кланятися до пояса, всякому християнину молитися о своемъ согрѣшени и пущения грѣхомъ, и о царскомъ, и о царицине, и о чадахъ ихъ здравии, и о братии его, и о боярехъ его, и о христоролюбивомъ воинствѣ о помощи на враги, и о плѣнныхъ свободѣ, и о святительскомъ и священническомъ чину, и о болящихъ, и в темницахъ заключенныхъ, и за вся християне; женѣ молитися о своемъ согрѣшени и о мужи, и о чадахъ, и о домочадцахъ, и о сродникахъ, и о отцѣхъ духовныхъ, а мужу также. А утре вставъ, Богу молитись и отпѣти заутрення и часы, а в неделю и в праздникъ молебен с молитвою и молчаниемъ, и с кроткостояниемъ и единогласно пѣти и со вниманиемъ слушати и святымъ кажение. А гдѣ некому пѣти, ино молитися доволно вечере и утре, а мужемъ отнюд не погрѣшити по вся дни церковнаго пѣния вечерни, заутрени, обѣдни.

13. КАКО В ЦЕРКВИ МУЖУ И ЖЕНЕ МОЛИТСЯ, ЧИСТОТА ХРАНИТИ И ВСЯКОГО ЗЛА НЕ ТВОРИТИ

А в церкви стояти на всякомъ пѣнии со страхомъ и с молчаниемъ молитися. А дома всегда павечерница и полунощница, и часы пѣти. А кто прибавит правила своего ради спасения, ино то на его воли, ино боле мзда от Бога. А женамъ ходити к церкви Божии какъ въмѣстимо на произволение по совѣту с мужемъ, а в цѣркви ни с кѣмъ не бѣседовати, с молчаниемъ и послуша стояти, никуда не обзираяся, ни на стену не прикланятися, ни к столпу, ни с посохомъ не стояти, ни с ноги на ногу не преступати, руцѣ согбѣни к персемъ крестообразно, твердо и непоколебимо молитися со страхом и трепѣтомъ, и со воздыханиемъ, и со слезами, и до отпѣния из церкви не исходити, а приити к началу. А неделя и празники Господския и среду, и пятокъ, и святой постъ, и Богородиченъ в чистотѣ пребывати, а от объядения и пьянства, и от пустошныхъ бесѣд и смѣхотворения неподобнаго всѣгда беречися, и от татбы, и от блуда, и лжи, и клеветы, и зависти, и всякаго неправеднаго собрания, и ростовъ, и корчмы, и мыта, и перевозовъ, и мостовщинъ, и всякаго лукавства не любити и не гнѣватися ни на кого. Ранного пития и ядения и позного послѣ пѣния отнюд не творити, есть бы и пить в славу Божию, и в подобно время; малымъ дѣтемъ и работнымъ по разсужению мужа и жены кормити их. Или не вѣсте, яко неправедницы царствия Божия не наслѣдят, якоже апостоль Павелъ рече: «Аще некий братъ именуемъ или блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или ругатель, или пьяница, или хищник — с таковыми ни ясти, ни пити». И паки рече: «Ни идолослужители, ни прелюбодѣй, ни сквернителя, ни малакия, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят», но достоинъ от всякаго зла блюстися всякому християнину.

14. КАКО ЧТИТИ ДѢТЕМЪ ОТЦОВЪ СВОИХЪ ДУХОВНЫХЪ И ПОВИНОВАТИСЯ ИМЪ:

Подобаеть вѣдати се, како чтити *дѣтемъ* отцевъ своихъ духовныхъ, изыскати отца духовнаго добра, боголюбива и благоразумна, и разсудителна, а не потаковъника пьяницу, ни сребролюбива, ни гнѣвлива. Такова подобаеть чтити и повиноватися ему во всѣмъ и каятися предъ нимъ со слезами, исповѣдати грѣхи своя не стыдно и безсрамно, и заповѣди его хранити. А призывати его к себѣ в домъ часто и извѣщатися всегда во всякой совести, и наказание его с любовию приимати, и послушати его во всѣмъ и чтити его. И бейте челомъ предъ нимъ ниско: онъ учитель нашъ и наставникъ, и имѣйте его со страхомъ и любовию к нему приходити и приношение ему давайте от своихъ трудовъ по силе; и совѣтовати с нимъ часто о житии полезномъ, и востязатися от грѣховъ своихъ, и како учити и любити мужу жена своя и чада, а жене мужа своего слушати и спрашиватися по вся дни. А извѣщатися о грѣсехъ своихъ всегда предъ отцемъ духовнымъ и обнажати грѣхи своя вся, и покарятися предъ нимъ во всѣмъ: тии бо бдят о душахъ нашихъ, и отвѣтъ дадутъ о насъ в день Страшнаго суда. А не поносити ихъ, ни осуждати, ни укоряти, а о комъ учнутъ печаловатися, ино его слушати, и виноватаго пожаловати, по вине смотря, с нимъ же разсудя.

15. КАКО ДѢТЕЙ СВОИХЪ ВОСПИТАТИ, ВО ВСЯКОМЪ НАКАЗАНИИ И СТРАСѢ БОЖИИ

А пошлетъ Богъ у кого дѣти — сынове или дщери, ино имѣти попечение отцу и матери о чадахъ своихъ, снабдити ихъ и воспитати в добре наказании, и учити страху Божию и вѣжству, и всякому благочинию, и, по времѣни и дѣтемъ смотря и по возрасту, учити рукодѣлию матери дщери, а отцу сынове, кто чево достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ дастъ; любити ихъ и беречи, и страхомъ спасати, уча и *наказуя* и, разсужая, раны возлогати. Наказуй дѣти во юности — покоить ты на старость твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесней и от всякаго грѣха отцемъ чадъ своихъ, якоже зѣницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернимъ небрежениемъ, имъ о тѣхъ грѣсехъ отвѣтъ дати в день Страшнаго суда. А дѣти, аще не брегомы будутъ в ненаказании отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ или что сотворятъ, и отцемъ и матеремъ з дѣтми от Бога грѣхъ, и отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязливыхъ родителей и у разумныхъ и благоразсудныхъ чада воспитани в страсѣ Божии, и в добре *наказании*, и в благоразсудномъ учении всякому разуму и вѣштву, и промыслу, и рукодѣлию, — и тѣ

чада с родители своими бывають отъ Бога помиловани, а отъ освященнаго чину благословены, а отъ добрыхъ людей хвалими, а в совершене возрастѣ добрые люди с радостію и зъ благодарениемъ женять сыновъ своихъ по своей вѣрстѣ, по суду Божию, а дщери за ихъ дѣти замужъ выдаютъ. А аще отъ таковыхъ которое чадо Богъ возьметъ в покаянии и съ причастиемъ, то отъ родителю безсквѣрная жертва к Богу приносится, и в вѣчныя кровы вселяются, а имѣють дерзновение у Бога милости просити и оставления грѣховъ и о родителехъ своихъ.

16. КАКО ЧАДЪ ВОСПИТАТИ, С НАДѢЛКОМЪ ЗАМУЖЪ ВЫДАТИ

А у кого дочь родится, ино разсудны люди от всякаго приплода на дочь откладывают: на ее имя или животинку растятъ с приплодомъ, а у полотень, и у вусчинъ, и у ширинокъ, и у вубрусовъ, и рубашекъ по вся годы ей в пришенной сундукъ кладутъ и платье, и сажень, и монисто, и святость, и суды оловяные и меденые, и деревяные; прибавливати непомношку всегда, а не вдруг, себе не в досаду, и всево будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божию и вѣштву учатся, а приданое с ними вдругъ прибывает, и какъ замужъ зговорять — ино всѣ готово. А толко ранее хто о дѣтехъ не смышляеть, да какъ замужъ давать, и въ ту пору всѣ покупать, ино скорая женитва видомая работа; а по судбамъ Божиимъ толко та дочь преставится, ино ее надѣлкомъ поминают по ей души сорокоустъ и милостыню ис того дают. А толко иные дочери есть, тако ж о них промышляти.

Переписка Андрея Курбского и Ивана Грозного

Первое послание Андрею Курбскому — самое крупное из публицистических произведений Ивана IV; оно является несомненно и одним из важнейших памятников древнерусской публицистики в целом. Послание, датированное 5 июля 1564 г., написано в ответ на Первое послание Курбского. Быстрота, с которой было написано это обширное послание (пять-шесть недель), делает весьма вероятным предположение о том, что оно составлялось не одним лицом, а дьяками царской канцелярии (как и дипломатические послания). Однако ключевые места послания (воспоминания детства Грозного, полемические выпады против оппонента) несомненно принадлежали самому царю: «грубиянский» стиль послания и даже отдельные его обороты (сравнение противника с собакой) напоминают более поздние сочинения царя — например, послания шведскому королю Юхану III.

Как и Первое послание Курбского, послание царя, очевидно, предназначалось главным образом не его формальному адресату, а более широким кругам читателей. Первое послание Ивана Грозного включает в себе и прямые свидетельства об этом: в его ранних редакциях оно озаглавлено как послание царя «во все его великия России государство (в других списках: Российское царство) на крестопреступников его, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене»; один из наиболее ранних списков послания содержит еще особое указание: «Послание царево во все города на крестопреступников его...»

Главным предметом полемики между царем и Курбским был вопрос о том, кто из них верен политике начала царствования Ивана Грозного (политике Стоглавого собора 1551 г. и реформ 50-х гг.). Оба они были согласны в том, что Иван IV в начале царствования был «пресветлым в православии», но Курбский утверждал, что, расправившись с прежними советниками («Избранной радой»), царь стал «супротивным» прежней политике. В ответном послании, которое в 20 раз обширнее послания Курбского, царь, обвиняя Курбского в измене, вновь и вновь доказывал свою верность «пресветлому православию» начала своего правления. Главными врагами государства он объявлял «изменных бояр» (ставя при этом в вину Курбскому «боярское правление» в годы своего детства, хотя Курбский был ровесником царя). Это указание на «бояр» как главных противников самодержавия оказало большое влияние на историографию последующего времени. Царь уверял, что главной целью его существования является благо поданных: «...за них желаем противу всех враг их не токмо до крови, но и до смерти пострадати». По его словам, все репрессии против прежних советников уже позади, «ныне же убо все», в том числе и единомышленники Курбского, могут наслаждаться «всяким благом и свободой» и не опасаться наказаний за «прежнюю злобу». Все это писалось летом 1564 г. — за полгода до учреждения опричнины.

Первое послание Грозного Курбскому не дошло до нас в списках XVI в.; наиболее ранние его списки относятся к первой трети XVII в. Причиной этого наряду с общей бедностью светской рукописной традиции XVI в. является и то, что послание, в котором объявлялась «свобода» и прекращение «гонений» и с сочувствием

упоминались лица, впоследствии погибшие в опричнине, стало неуместным с точки зрения его царственного автора.

Первое послание Курбского дошло до нас в трех редакциях — 1-й Пространной, Краткой и 2-й Пространной. Первоначальной является несомненно 1-я Пространная редакция, и наиболее первичный ее текст читается в списках, где послание царя еще не было, как это случилось впоследствии («Печерские сборники», «Сборники Курбского» конца XVII века), объединено в одних сборниках с посланием Курбского. Текст публикуется по списку РНБ, собр. Погодина, № 1311, использованному в качестве основного списка в издании «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». В настоящем издании текст основного списка в ряде случаев заново исправлен по лучшим чтениям рукописей ФИРИ, ф. 11, № 41 и РНБ, собр. Титова, охр. № 1121; новая сверка текста с рукописью проведена Е. И. Ванеевой.

БЛАГОЧЕСТИВАГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО ВЕЛИКИЯ
РОСИИ ГОСУДАРСТВО НА КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВЪ, КНЯЗЯ АНДРЕЯ
МИХАЙЛОВИЧА КУРБСКОГО С ТОВАРЫЩИ, О ИХЪ ИЗМЪНЕ

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый и нынѣ есть, Отець и Сынъ и Святыи Духъ, ниже начала имѣеть, ниже конца, о немже живемъ и движемся, имже царие величаются и силнии пишут правду, иже дана бысть едиnorodнаго слова Божия Исусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная хоругвь — крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестии царю Константину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православия. Понеже смотрения Божия слова всюду исполняшеса, и божественнымъ слугамъ Божия слова всю вселенную, яко же орли летаниемъ, обтекше, даже искра благочестия доиде и до Росийскаго царствия. Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство Божиимъ изволениемъ почень от великого князя Владимира, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещениемъ, и великого князя Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостоинѣйшую честь приимшу, и храбраго великого государя Александра Невского, иже над безбожными нѣмцы велию побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великого государя Димитрия, иже за Дономъ над безбожными агаряны велию победу показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великого государя Иоанна, и законѣннымъ прародителства землямъ обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего великого государя Василия, даже доиде и до насъ, смиренныхъ, скипетромъ держания Росийскаго царствия. Мы же хвалимъ Бога за премногую его милость, произшедшую на насъ, еже не попусти доселе десницъ нашихъ единоплеменную кровию обагрится, понеже не восхотѣхомъ ни под кимъ же царства, но Божиимъ изволениемъ и прародителей своихъ и родителей благословениемъ, яко же родихомся в царствии, тако и воспитахомся и возрастохомъ и воцарихомся Божиимъ велѣниемъ, и прародителей своихъ и родителей благословениемъ свое взяхомъ, а чюжаго не восхотѣхомъ. Сего православнаго истиннаго християнскаго

самодержавства, многими владычества владѣющаго, повелѣния, нашъ же христианский смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего самодержавия боярину и совѣтнику и воеводе, нынѣ же крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христианскому, и ко врагомъ христианскимъ слагателю, отступшему божественнаго *иконнаго* поклонения и поправшему вся священная повелѣния, и святыя храмы разорившему, осквернившему и поправшему священныя сосуды *и образы*, яко же Исавръ, Гноетезный, Арменинъ, и симъ всимъ соединителю, — князю Андрею Михайловичю *Курбскому*, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти ярославскому владыце, вѣдомо да есть.

Почто, о княже, аще *мнишися* благочестие имѣти, едиnorodную свою душу отвергль еси? Что же *даси* на ней измѣну в день Страшнаго суда? Аще и весь миръ приобретаеши, послѣди смерть всяко восхититъ *тя*; чесо ради на тѣле душу предаль еси, аще убоялся еси смерти, по своимъ бесоизвыкшихъ друзей и назирателей ложному ихъ слову? И всюду, яко же бѣси на весь миръ, тако же и ваши изволившия быти друзи и служебники, насъ же отвергшеся, преступивше крестное целование, бесовъ подражающе, *на насъ многообразными видами всюду сѣти поляцающе* и бѣсовскимъ обычаемъ насъ всячески назирающе, блюдуще глаголанія и хождения, мняще насъ аки безплотныхъ быти, и от сего многая сшивающе на насъ поношения и укоризны, и во весь миръ позорующихъ и к вамъ приносяще. Вы же имъ воздарие многое за сие злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, называючи ихъ ложно слугами; и ото *сихъ* бесовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна смертоносна, возъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разорение стали есте. Не мни праведно быти: возъярився на человѣка и Богу приразитися; ино бо человѣческо есть, аще перфиру носить, ино же Божественно есть. Или мниши, окаянне, како уберечися того? Никако же! Аще ти с ними воеватися, тогда ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестяны погубляти; аще и руками гдѣ не дерзнеши, но мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши.

Помысли же, како браннымъ пришествиемъ мяхкая младенческая удеса конскими ногами стираема и разтерзаема! Егда убо зимѣ належащи, сия наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное измѣнное собацкое умышление како не уподобится Иродовому злему неистовству, еже во младенцехъ убийство показа? Сие ли убо мниши быти благочестие, еже сицевая творити злая? Аще ли же насъ глаголеши воющихъ на кристьянъ, еже на германы и литаоны — ино нѣсть сие, нѣсть. Аще бы и кристяне были в тѣхъ странахъ, и мы *воюемъ* по прародителей своихъ обычаю, яко же и прежде сего многажды случилось; нынѣ же вѣмы, в тѣхъ странахъ нѣсть христианъ, развѣ малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. К сему

убо и литовская брань учинилася вашею измѣною и недоброхотствомъ и нерадѣниемъ безсовѣтнымъ.

Ты же тѣла ради душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущая нетлѣнную славу презрѣлъ еси, и на челоуѣка возъярився, на Бога возсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, отъ каковыя высоты и в какову пропасть душею и тѣломъ шель еси! Збысться на тебѣ реченное: «Иже имѣя мнитсѣя, взято будетъ от него». Се твое благочестие, еже самолюбія ради погубилъ ся еси, а не Бога ради? Могутъ же разумѣти и тамо сущи и разумъ имуще твой злобный ядъ, яко славы ради сея маловременныя жизни скоротекущаго вѣку и богатства ради сие сотворилъ еси, а не от смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но приобрѣтение? Последи же всяко умрети же. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоихъ друзѣй, сотонинскихъ слугъ, злодѣйственному солганію, се убо явно есть ваше измѣнное умышление от начала и до нынѣ. Почто же апостола Павла презрѣлъ еси, якоже рече: «Всяка душа владыкамъ превладѣющимъ да повинуется; никоя же бо владычества, яже не от Бога, учиненна суть: тѣмъ же противляяся власти Божию повелѣнію противится». Смотри же сего и разумѣй, яко противляяся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, — сей отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшение. Сие же убо реченно бысть о всякой власти, еже убо кровми и бранми приемлюще власти. Разумѣй же реченное, яко не восхищениемъ прияхомъ царство; тѣмъ же наипаче противляяся власти Богу противится. Тако же и апостоль Павелъ рече, ты же и сия словеса презрѣлъ еси: «Раби, послушайте господий своихъ, не перед очима точию работающе, яко челоуѣкомъ угодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совесть». Се бо есть воля Господня, еже благое творяще пострадати. И аще праведенъ еси и благочестивъ, про что не изволилъ еси от мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?

Но ради привременныя славы, и самолюбія, и сладости мира сего все *свое* благочестие душевное со крестиянскою вѣрою и з закономъ попралъ еси, уподобился еси сѣмени, падающему на камени и возрастшему; возсіявшу же солнцу со зноемъ, абие словесе ради ложнаго соблазнилъ еси, и *отпалъ* еси и плода не сотворилъ еси; и по ложныхъ словесѣхъ убо, подобно на пути падающему сѣмени, сотворилъ еси, еже убо всѣявше слово к Богу вѣру истинну и к намъ прямую службу — сие убо врагъ все из сердца твоего изхитилъ есть и сотворилъ в своей воли ходити. Тѣмъ же и вся Божественная Писания исповѣдуютъ, яко не повелѣвають чадомъ отцемъ противитися, а работомъ господиямъ кромѣ вѣры. Аще убо сие от отца твоего, диявола, *восприимъ*, много

ложными словесы своими сплетаеши, яко вѣры ради избѣжалъ еси — и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя, — яко не токмо *ты*, но и всѣ твои согласники, бѣсовские служители, не могутъ в насъ сего обрести. Паче же уповаемъ, Божия слова воплощениемъ и пречистыя его матери, заступницы христіанскія милостию и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо тебѣ сему *отвѣтъ* дати, но и противу поправшихъ святыя иконы, и всю христіанскую божественную тайну отвергшимъ, и Бога отступльшимъ (к нимъ же ты любительнѣ совокупился еси), словесъ сихъ нечестіе *изобличити* и благочестіе явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсія.

Повесть о Савве Грудцыне

Pramen:

<http://www.rulit.net/books/povest-o-savve-grudcyne-read-121584-1.html>

(bez poznámek)

Автор неизвестен

"Повесть о Савве Грудцыне" написана в 70-х годах XVII в. В произведении отразились исторические события первой половины столетия и многие бытовые черты того времени. Однако это второстепенные, сопутствующие детали повествования. В центре произведения, как и в "Повести о Горе-Злочастии", - судьба молодого человека. Подобно молодцу из "Горя-Злочастия", Савва Грудцын, по молодости и неопытности попавший в зависимость от враждебной потусторонней силы, находит спасение в монастыре.

В "Повести" многие оценки и авторские трактовки различных ситуаций носят традиционный характер, отступления героя от принятых норм поведения, его любовная страсть, его забвение долга перед родителями объясняются дьявольским искушением, но вместе с тем произведение это впервые в древнерусской литературе развивает романическую тему повествования с отражением живых человеческих чувств. Характерно, например, что герой, охваченный любовной тоской, ищет утешение в общении с природой; страсть, охватившая Савву, вызвана "приворотным зельем", но переживания героя описаны автором сочувственно и жизненно. В "Повести" своеобразно переплетаются сказочные похождения Саввы с историческими событиями, в которых участвуют реальные исторические лица. Примечательно в этом отношении то, что и сам герой произведения носит имя известного в XVII в. богатого купеческого рода Грудцыных-Усовых. Сочетание в "Повести" романической темы с подробными описаниями быта и нравов Руси XVII в. дало основание ряду исследователей видеть в этом произведении опыт создания первого русского романа.

Текст печатается по изданию: Изборник. С. 609-625.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

Повесть зело пречудна и удивлению достойна,

иже содеяшася во граде Казани

некоего купца Фомы Грудцына о сыне его Савве

В лето от сотворения миру 7114 (1606) бысть во граде Велицем Устюзе¹ некто купец, муж славен и богат зело, именем и прослытием Фома Грудцын-Усовых. Видев бо гонение и мятеж велик на христиане в Российском государстве и во многих градах, абие² оставляет великий град Устюг и переселяется в понизовный славный царственный град Казань, зане в понизовых градах не бысть злочастивыя литвы.

И живяше той Фома з женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича³ всея России. Имея же у себя той Фома сына единокорна, именем Савву, двенадцатилетна возрастом⁴. Обычай же имея той Фома куплю десяти, отъезжая вниз Волгою рекою, овогда⁵ к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда же за Хвалынское⁶ море в Шахову область⁷ отъезжая, куплю творяще. Тому же и сына своего Савву поучяще и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычныя струги с таваром к плаванию устроившу, сыну же своему, устроив суды со обычными тавары, повелевает плыти к Соли Камской и тако купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему, пути касается.

Малы же дни помедлив, и сын его на устроенных 8 судех по повелению отца своего к Соли Камской плавание творити начинает. Достигшу же ему усолскаго града Орла⁹, абие приставет ко берегу и по повелению отца своего у некоего нарочита человека в гостиннице обитати приставет. Гостинник¹⁰ же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немало прилежание и всяко благодеяние творяху ему и яко о сыне своем всяко попечение имяху о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немало время.

В том же граде Орле бысть некто мещанин града того, именем и прослытием Важен Второй, уже бо престаревся в летех и знаем бяше во многих градах благодравнаго ради жития его, понеже и богат бе зело и попремногу знаем и дружен бе Саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведев¹¹ же Бажен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде их обретається, и помыслив в себе, яко "отец его со мною многу любовь и дружбу имяше, аз же ныне презрех его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моя".

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем грядуща и, призвав его, начят глаголати: "Друже Савво! или не веси¹² яко отец твой со мною многу любовь имат, ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моя. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя". Савва же, слышав таковыя от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от такаваго славна мужа прият хочет быти, и низко поклонение творит пред ним. Немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Второго и живяше во всяком благоденствии, радуясь. Той же Важен Второй стар сый и имея у себе жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту сушу. Ненавидяй же добра роду человеку супостат диавол, видя мужа того добродетелное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному: весть бо женское естество уловляти умы младых к любоддеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи¹³, от зависти диаволи запят¹⁴ бысть, падеся в сеть любоддеяния з женою оною ненасытно творяше блуд и

безвременно во оном скверном деле пребываше с нею, ниже бо воскресения день, ниже праздники помняще, но забывше страх Божий и час смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяющиеся и в таком во ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, в навечерий¹⁵ же праздника Бажен Второй, поим с собою юношу онаго Савву, поидоша до святыя церкви к вечернему пению и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша каждой на ложе своем, благодаряще Бога. Внегда же боголюбивый оный муж Бажен Второй заспав крепко, жена же его, диаволом подстрекаема востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и возбудив его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха Божия уязвлен бысть, убоясь суда Божия, помышляше в себе: "Како в таковой господственный день таковое скардное дело сотворити имам?" И сия помысли, начяте клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко "не хочу всеконечно погубити душу свою и в таковой превеликий праздник осквернити тело мое". Она же, ненасытно распалаема похотию блуда, неослабно нудяше его ово ласканием, ово же и прещещением¹⁶ неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея, и много труждшися, увещавая его, но никакже возможе приклонити его к воли своей: божественная бо некая сила помагаше ему. Видев же лукавая та жена, яко не возможе привлещи юношу к воли своей, абие zelною яростию на юношу распалися яко лютая змия, возстенав, отиде от ложа его, помышляше волшебными зелий опойти его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замыслив, сия и сотвори.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное

Аввакум Петров (1620-1682)

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати - Мария, инока Марфа. Отец нее мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и в нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом.

Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь - имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истоцилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божий тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место.

Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, - тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, - по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране Сибирской проповедуя и уча слову Божию, - годов будет тому с полтретья-цеть.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатиси девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо.

И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плвуют стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали! «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, - красно, и бело, и сине, и черно и пёпелесо, - его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидя на нем отвещал: «твой корабль! На, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе Божиим мановением. И он, устращая, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя расвирипел, - прибежав ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань: ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистолы, и Божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и Божия воля учинила так же, - и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лаёт, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати - некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу, Иванну, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился - ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю.

Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, - одново ушиб, и паки ожил, а другого о[т]пустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолубный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сених со мною прощались; а брату моему меньшому боярню Васильева и дочь духовная была. Так-то Бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя расвирипел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запершись, молился с воплем ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним Святым Духом. Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «дайте мне батька Аввакума! за него Бог меня наказует!»

[...]

[ССЫЛКА В СИБИРЬ]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, - больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринадцеть волокли телегами и водою и саньми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, - а я вечерню пою, - и вскочил в церковь, ухватил Антона на крыло-се за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, - один он, Струна, в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочий, человек с дватцеть, вси побегоша, гоними Духом Святым. И покаяние от Струны прияв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят.

И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнанн быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви начую, иное к воеводе уйду; а иное в тюрьму просился, - ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, - опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг*. Тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил.

Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж граждана оплачют согрешение его. А сами три дня прилежне стужали Божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыко и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укоряю ересь Никонову. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы в Верху, а оба умерли в мор и с женами и с детьми: и многий друзья и сродники померли. Излиял Бог на царство фиал гнева своего! Да не узнались горюны однако, - церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение; то и сбилось во дни наша ныне. Но

милостив Господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюсь на Христа: ожидаю милосердия Его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, - поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести - дватцет тысяч и больши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, - людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в Большой Тунгуске-реке, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, - одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божию волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощени-ке двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправаяся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманской порог, навстречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы - одна лет в 60, а другая и больши, пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж о[т]дать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!»

О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимый, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть - заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы - перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие - многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие - во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать.

И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся Бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в без[д]ны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человека, один ты презираешь и неудобство показуешь», - и прочая: там многонько писано: и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, - версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне.

Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или респоп?»; и аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног, и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару, молитву говорил, да осреди побои вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он

велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам. Опустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал.

Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!».

Бытто доброй человек - другой фарисей с говенною рожею, - со Владыкою судитца захотел! Аще Иов и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое - грешен, второе - на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред Владыкою, и Господь-свет милостив: не поминает наших беззаконных первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуну, - река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, - меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, - нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, на душе добро, не пеняю уж на Бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «сыне, не пренемай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует; бьет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аще ли без наказания приобщается ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, - и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» - да сила Божия возбранила, - велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцетъ была сослана от меня. Баба ей Ксенья мучила зиму ту всю, - лаяла да укоряла. Сын Иван - невелик был - прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеною тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, - руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги, я одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, - и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою,

- людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчалю. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: «Владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што веть делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в сумках; все с тех мест перегнило - наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака тово!» Так она, надежа, уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня-озера; волок тут, - стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанята не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок.

Весною на плотах по Ингоде-реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работных водяных бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие - огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить - ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился! У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила, - по-русскому рублев в полтретьяцеть и больши потамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче-реке живучи, с травую перебиваючися. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, - осталось небольшое место; по степям скитающеса и по полям, траву и корение копали, а мы - с ними же; а зимою - сосну; а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит - всякую скверну.

Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, - все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеса по горам и по остроуму камению, наги и боси, травую и корением перебиваючися, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да оке оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сластьми?

Но помогала нам по Христе болярня, воеводская сноха, Евдокея Кири-ловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, - иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! - иногда ребенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов, - девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? пускай, горькие, мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божию помощью. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со

славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавый». Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы, - сенная ево любимые были, - Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, что ничто же успеваает, но паче молва бывает, - зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, Бога моля; послушает тебя Бог». И я ему отвечал: «Господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть Богу». Взял их, бедных. Простите!

Во искусе то на Руси бывало - человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действием и повелением Бога живаго и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила Божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему, - ни никако же, - но по вере приходящих. Древле благодать действовавшие ослом при Валааме, и при Улияне мученике - рысью, и при Сисинии - оленем: говорили человеческим гласом. Бог идеже хочет, побеждается естества чин. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящещи: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не всех Дух Святыи рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует.

Таже привели ко мне баб бешаных: я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал; и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся Богу; любят меня и домой не идут. Сведаль он, что мне учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пущи старова, - хотел меня в огне жжечь: «ты-де выведываешь мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею.

В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так, - не брегут о исповеди; а нам, православие блюдушим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и Бог простит тя, покаяние твое виде, и тогда с правильном причащайся святых тайн. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле пред образом Христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и и сусудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: «верую, Господи, и исповедаю, яко ты еси Христос Сын Бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслиго, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинств во оставление

грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки Богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после тово, ино хорош. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним Чернова попа, и оне ево дровами бросают, - и поволокся прочь. Я дома плачу, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало. Прибтели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя Христова маслом, так опять, дал Бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибегали тайно молитца Богу.

Изрядные детки стали, играть перестали и правильна держатца. На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились. Слава о них Богу!

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, - кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришел, - на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохни, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас чернёнька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогаая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом, И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет, Ни курочка, ни что чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней - плюново дело, железо! А та птичка одушевлен[н]а, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал - помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней и отслал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племянн и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козьма и Дамиян человеком и скотом благоденствовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владыки, еще же и человека ради.

БЛУДНИЦА

Корабль, на мори ветрами гонимый,
от рыбы малы бывает держимый,
юже «удержку» мощно нарицати,
яко есть силна корабль удержати.
И в мира мори суть рыбы такая,
от течения блага держащя.
Блудницы юных удержки бывают,
егда путь благий тещи препинают.

1678

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Воздержание аще безмерно храниши,
Множицею души ти вред велий твориши:
Плоти бо изнемогшей ум не добр бывает, —
Разсуждение в меру вся да устрояет.
Уне есть мерно по вся дни вкушати,
Нежели долго от пищ ся держати:
Пост бо безмерный силу истребляет,
Дух уныния и печаль раждает.

1678

ПЕЧАЛЬ

Дидак Озорий^[1] в узы воверженный,
Кралем Испанским об ноць измененный
Бысть юный в старца, ибо его власы
Из черных быша седы в малы часы.
Се печаль како скоро изменяет,
Всях земнородны то да разсуждает.
Краль же, уведев то изменение,
Дарова ему вины прощение.

1678

Сильвестр Медведев (1641-1991)

Эпитафион Симеону Полоцкому

Зряй, человече! Сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо зде токмо один таков бывый,
Богослов правый, церкви догмата хранивый,
Муж благоверный, церкви и царству потребный,
Проповедию слова народу полезный,
Симеон Петровский, от всех верных любимый,
За смиренномудрие преудивляемый,
Им же польза верные люди насаждала,
Незлобие же, тихость, кротость удивляла,
В нем же вера, надежда, любви пребываше,
Молитва, милостыня, пост ся водворяше.
Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
Мерность же и мужество опасно блюденна,
Многими дары богом бе преодаренный,
Непамятозлобием весьма украшенный,
Иеромонах честный, чистоты любитель,
Воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
Но еже церковь, нашу мать, увеселяше.
Не хоте ино божий раб что глаголати,
Токмо что пользу может ближним созидати.
Ничего же ин[ого] творити любяше,

Точию, еже богу непротивно бяше,
Иже труды си, многи книги написал есть,
И под рассуждение церковное дал есть;
С церковию бо хоте согласен он быти,
И ничто же противно церкви мудрствовать,
Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
Учением правым то миру показаше.
В защищение церкви книгу «Жезл» создал есть,
В ее же пользу «Венец» и «Обет» издал есть,
«Вечерю», «Псалтырь», стихи со «Рифмословием»,
«Вертоград» многоценный с беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
В научение роду российску явивый;
Обаче и сего смерть от нас похитила,
Церковь и царство пользы велия лишила.
Его же пользы ныне людие лишены.
Зри сего во гробе сем кости положены.
Душу же вручил в руке богу всемогущу,
Иже благоволил ю дати везде сущу,
Да примет ю, яко свое создание,
И исполнит весных благ его желание;
Телом со избранными даст ему восстати,
С ними ж в десней стране в веселии стояти;
И внити во вечную небесную радость,
Неизглаголанную тамо присно сладость.

Плач Великия России

Россия Великая, о царе великом

Откуда начну плач мой, и коим языком

Скорбь мою изглаголю? От слез и стенаний,
Несмь довольна изреши словесных гаданий.

Откуда начну плач мой? Аще ли от сродства,

Сицевого Феодор царь бе благородства:

От царей царь, от князей князь, от славных славна.

Возлюбленный сын царя Алексия славна.

Откуда начну плач мой? аще ли от славы,

Славный бе самодержец славныя державы.

Откуда начну плач мой? аще ли от века,

В младом веке старого разум человека

Имел в себе, могл мудре державу хранити,

Паче старец разумех, могл ся похвалити.

Откуда начну плач мой? аще от твоея

Красоты, Феодоре, заницы мояя

Несытным желанием сия всегда бяше:

Зрак красоты твоея всех увеселяше.

Откуда начну плач мой? аще ко убогим

От твоея щедроты, щедр был еси многим.

Откуда начну плач мой? аще от утешных

Словес твоих, утешал еси ими здешних.

Откуда начну плач мой? аще от твоея

Любве ко всем, кто есть неизвестен ея.
Откуда начну плач мой? с любве ли ко богу.
И сию имел еси к нему попремногу;
Вопервых любил еси бога, по сем ближних,
И множае вышнего паче, неже нижних.
Откуда начну плач мой? всяко твое дело
Егда помяну, велит рыдати ми зело.
Но кто добродетели твоя исчисляет?
Вся довольно! сам, лучше токмо, их бог знает.

[http://ru.wikisource.org/wiki/Сильвестр \(Медведев\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Сильвестр_(Медведев))

Феофан Прокопович (1681-1736)

Песни и романсы русских поэтов.

Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. Е. Гусева.

Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание.

М.-Л., Советский писатель, 1965

OCR Бычков М. Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Феофан Прокопович родился в 1661 году в Киеве, умер в 1736 году в Петербурге. Выдающийся политический и церковно-общественный деятель, один из ближайших соратников Петра I, Прокопович был также незаурядным ученым и писателем. Он отличался разносторонностью интересов и оставил труды в области философии, богословия, истории, права, теории поэзии, ораторского искусства, педагогики. Перу Прокоповича принадлежат трагедо-комедия „Владимир“, трактат „De arte poetica“ („О поэтическом искусстве“) и свыше двадцати стихотворений на русском языке, а также стихотворения на латинском и польском языках. На тексты Прокоповича уже при его жизни анонимными музыкантами сочинялись песни (канты). В XVIII веке он был известен как автор пяти песен: „Кто крепок, на бога уповая...“, „О суетный человеце...“, „Плачет пастушок в долгом ненастьи“, „Прочь уступай, прочь...“, „Что мне делать...“. Их в качестве песен указывает С. Ф. Наковальнин в составленном им оглавлении „сочинений стихотворческих“ Прокоповича. {Феофана Прокоповича... слова и речи..., ч. I, СПб., 1760, Оглавление..., NoNo 71-75.} Эти канты встречаются и без имени автора в многочисленных рукописных песенниках XVIII века, а первые три опубликованы в знаменитом „Письмовнике“ Курганова также без подписи. В песенный обиход вошли и другие стихотворения

Прокоповича: „За Могилою Рябою“ и „Всяк себе в помощь вышнего предавай...“.
Канты на слова Прокоповича исполнялись первоначально его воспитанниками,
воспринимались средой, близкой к Петру I, а затем распространялись и в
демократических кругах русского общества.

1. ЗА МОГИЛОЮ РЯБОЮ

За Могилою Рябою
над рекою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день недельный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришел турчин многолюдный.
Пошли навстречь козацкѣе,
пошли полки волоские,
пошли загоны донские.
Легкий воин, делав много,
да что был числа малого,
не отнял места лихого.
Поял то был город близкий,
врагом добрый, бо был низкий,
дал бы на вас пострел резкий.
Пришли на Прут коломутный,
тут же то был бой окрутный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иного места искати,
а не всеу пропадати.
Скоро померк день неделный,
ажно российские силы
на отворот загремели.
Страшно гремят и облаки,
да страшный там Марс жестокий
гремел на весь пляц широкий.
Зоря с моря выходила,
ажно поганская сила
в тыль обозу зашумела.
Всю ночь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю ночь там Марс шел дикий.
А скоро ночь уступила,
большая злость наступила,
вся армата загремела.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
"На мир, на мир!" - закричано.
Не судил бог христианства
освободить от поганства,
еще не дал сбить поганства.

Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чиих рук поляже.

Вторая половина 1711

2. ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТЬИ

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно -
всё ненастье.
Нет и надежды. О многобедно
мое счастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нечто полготить стаду,
да обманет.
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевных
нет отмены.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас деды к тебе вопити
научали.

Конец января или начало февраля 1730

3. КТО КРЕПОК, НА БОГА УПОВАЯ

Кто крепок, на бога уповая,
той недвижим смотрит на вся злая;
Ему ни в народе мятеж бедный,
ни страшен мучитель зверовидный,
Не страшен из облак гром парящий,
ниже ветр, от южных стран шумящий.
Когда он, смертного страха полный,
финобалтицкие движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
сей муж ниже тогда содрогнется;
В прах тело разбьет падеж лютой,

а духа не может и двигнути.
О боже, крепкая наша сило,
твое единого сие дело,
Без тебе и туне мы ужасны,
при тебе и самый страх нестрашный.

http://az.lib.ru/p/prokopowich_f/text_0080.shtml

